

Константин Бальмонт

ЗВЕНЬЯ

Избранные стихи

1890 – 1912

...Ибо искусство благого слова – мой отец...
Асвагоша

...Быть с Солнцем заодно...
Аполлоний Тианский

Истинное поэтическое творчество есть приоткрытая дверь в горницу души. Совершеннейший лик поэзии есть лирика, – песнопевчество сердца и ясновиденье души.

Тот, для кого поэзия есть полноценное переживание живой жизни, горение мгновений, и сгорание их сполна, дает нам всю свежесть апрельских стеблей, пробивших черную глыбу земли, все зыбкие тайны драгоценных камней, взволнованно выявляет клады дремотного сознания, дает заглянуть в Запредельное, добрасывает выкованное им в подземных кузницах звено до той алмазной цепи, которая соединяет наши жизни с Вселенной, и светлая тень которой явственно проступает иногда в детской улыбке и радуге паутинок, в виноватом взгляде человека, делающего нам добро, и в безвинном взгляде преступника, в малом цветочке, растущем среди снегов, в росинках слез и в дрожании Сириуса.

Кому же и знать все тайны, как не тому, кто зажег свое сердце и глядит на лучи лампы, в те часы, когда другие снят.

Песнопевчество сердца ведет к ясновидению души, внутрезоркость души сбрасывает с сердца все прахи, сопровождающие достижение. Поющее сердце есть свирель первородного сына Земли, у которого в зрачках еще дрожит диск Луны и золотой обруч Солнца. Внутрезоркое око души есть звезда ведущая. Взнесенная вихрями чувства душа есть весть, и есть вестник Оттуда.

Когда древний герой положил свою руку на огонь и смотрел неотступно перед собой, он видел то, чего не видели неиспытавшие этого страшного прикосновения. Так же и тот, чья жизнь есть творчество, и чье творчество есть сполна переживаемая жизнь, чье творчество есть предельная степень выражаемого чувства, – лирика, знамение которой в мире Природы есть живой огонь Земли, пламя вулкана, и живой огонь Неба, разрезающая молния.

Сколько бы ни было различий в поэтических состояниях самобытного песнопевца, и как бы ни выражались они в разных воплощениях, над текучею музыкой его состояний реет Гений объединения, связующая сила гармонии. Так на ночном Небе одна есть дорога птиц – Млечный путь, правящий всеми звездами.

Приоткрывши дверь, мы входим в одну горницу. Приоткрывши другую, мы входим в другую. Из горницы в горницу идет пересвет. Через весь терем. От самоцвета к

самоцвету. От стиха к стиху. От звена до звена. От одной тайновести к другой. Звенья светов – очам. Волны нения – каждому слуху. От одной внутрезоркой души и до любой подходящей души. В свете благословляющего Солнца – наивысшее слово – Любовь.

К. Бальмонт.

Москва. 1913. Июль 31.

Из книги
«СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ»
ЯРОСЛАВЛЬ
1890

СТРУЯ

Наклонись над колодцем, – увидишь ты там:
Словно грязная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мгlistая,
Как в суровых объятях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

Из книги
«ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ»
С.-ПЕТЕРБУРГ
1894

ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей, и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет,
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.

Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,

Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление,
И тоска, и упоенье, – точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, – и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда,

Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокий полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отраднй гимн Небес?

Все сильнее звучит их пенье, все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, –
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.

А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья,
Чуть трепещут очертанья вещей сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют,
И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов.

ЗАЧЕМ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную –
И приковал меня к земле?

Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий.
Я говорю Тебе, Творец.
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: где же наш Отец?

Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть – все страшно, непонятно,
Все неизбежно для меня.

Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем.
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?...»

ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

БЕЗ УЛЫБКИ, БЕЗ СЛОВ

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем Луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,
Погрузились мы в море загадочных снов,
В царстве бледной Луны.

Как отраднo в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть,
И, забыв, что любовь невозможна для нас,
Как отраднo мечтать и любить,
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной Луны.

ДВА ГОЛОСА

Скользят стрижи в лазури неба чистой.
– В лазури неба чистой горит закат. –
В вечерний час как нежен луг росистый!
– Как нежен луг росистый, и пруд, и сад! –

Вечерний час – предчувствие полночи.
– В предчувствии полночи душа дрожит. –
Пред красотой минутной плачут очи.
– Как горько плачут очи! Как миг бежит! –

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ

Жизнь утомила меня.

Смерть, наклонись надо мной!
В небе – предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
В утренней девственной мгле,
Дуб залепечет с сосной.
Грустно поникнет к земле
Ласковый ландыш лесной.

Вестник бессмертного дня,
Где-то зашепчет родник,
Где-то проснется, звеня...
В этот таинственный миг,
Смерть, убаюкай меня!

Из книги
«В БЕЗБРЕЖНОСТИ»
МОСКВА
1895

УХОДЯЩИЕ ТЕНИ

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,

И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

ВСЕ МНЕ ГРЕЗИТСЯ

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
Бесконечная грусть, безграничная даль,
Трепетание звезд, их мерцанье стоокое,
Догорающих тучек немая печаль.

Все мне чудится вздох камыша почернелого,
Глушь родимых лесов, заповедный затон.
И над озером пение лебедя белого,
Точно сердца несмелого жалобный стон.

КОВЫЛЬ

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит Месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?

Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают, – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То Месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?» – камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»

Но Месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

ПОДВОДНЫЕ РАСТЕНЬЯ

Сонет

На дне морском подводные растенья
Распространяют бледные листы,
И тянутся, растут как привиденья,
В безмолвии угрюмой темноты.

Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья,
Им снятся ароматные цветы.

Но нет пути в страну борьбы и света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

СЛОВА ЛЮБВИ

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренний – звезда,
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доныне,
И будут первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной,
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

НЕПОПРАВИМОЕ

Прекрасен полуночный час для любовных свиданий,
Ужасен полуночный час для бездомных теней.
Как сладко блаженство объятий и страстных рыданий,
И как безутешна печаль о возможном несбывшихся дней!
Прекрасен полуночный час для любовных свиданий.

Земля не устанет любить, и любить без конца.
Промчатся столетья и будут мгновеньем казаться,
И горькие слезы польются, польются с лица,
И тот не устанет рыдать, кто любви был бессилен отдалиться,
А мир будет вечно любить, и любить без конца.

Франческа, Паоло, воздушные нежные тени,
Вы свято любили, и светит вам нежность в Аду.
Но горе тому, кто замедлил на первой ступени,
Кто ввериться снам не посмел и всю жизнь протомился в бреду.
Франческа, Паоло, в несчастье счастливые тени!

ЗА ПРЕДЕЛЫ ПРЕДЕЛЬНОГО

За пределы предельного,
К безднам светлой Безбрежности!

В ненасытной мятежности,
В жажде счастья цельного,

Мы, воздушные, летим
И помедлить не хотим.

И едва качаем крыльями.

Все захватим, все возьмем,
Жадным чувством обоймем!

Дерзкими усильями
Устремляясь к высоте,

Дальше, прочь от грани тесной,
Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

Из книги
«ТИШИНА»
С.-ПЕТЕРБУРГ
1898

ТИШИНА

Чуть бледнеют янтари
Нежно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спят купавы, спит камыш.

Задремавшая река
Отражает облака,
Тихий, бледный свет небес,
Тихий, темный, сонный лес.

В этом царстве тишины
Веют сладостные сны,
Дышит ночь, сменяя день,
Медлит гаснущая тень.

В эти воды с вышины
Смотрит бледный серп Луны,
Звезды тихий свет струят,
Очи ангелов глядят.

МНЕ СТРАННО ВИДЕТЬ

Мне странно видеть лицо людское,
Я вижу взоры существ иных,

Со мною ветер, и все морское,
Все то, что чуждо для дум земных.

Со мною тени, за мною тени,
Я слышу сказку морских глубин,
Я царь над царством живых видений,
Всегда свободный, всегда один.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молний горят вдали,
Я вижу Остров, где все знакомо,
Где я – владыка моей земли.

В душе холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцем полет времен,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вечный – все тот же – Сон.

ЦВЕТЫ НАРЦИССА

Точно из легкого камня иссечены,
В воду глядят лепестки белоснежные.
Собственным образом пристально встречены,
В глубь заглянули цветы безмятежные.

Мягкое млеет на них трепетание,
Двойственно-бледны, растут очертания.
В глубь заглянули немые цветы, –
Поняли, поняли свет Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранит золотые признания.
Только в себя невозвратно влюбленное,
Стынет, бледнеет, в мечтах без названия.

С чистою грезой цветок обручается,
Грезу любя, он со Смертью венчается.
Миг, – и от счастья гаснут цветы, –
Как они поняли свет Красоты!

Я ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру Лазурь немая, –
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю Море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном,
И гром проснется в немом просторе.

Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой,
И, вечно вольный, забвеньем вею.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О, друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно сладостный миг: –
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь – и вспомнишь меня.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному ветру.
Кому я молюсь? Равнине морской.
Я брат не людям, а буре и ветру,
Я брат холодной равнине морской.

Куда иду я? К горным вершинам.
Куда иду я? К пустыням глухим.
Я брат холодному горному ветру,
Живу одиноко и растаю как дым.

Чего хочу я? Тени последней.

Чего хочу я? Смерти одной.
Я дух бесстрастный, дух бесприютный.
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ

1

Между льдов затерты, спят в тиши морей
Остовы немые мертвых кораблей.
Ветер бысролетный, тронув паруса,
Прочь спешит в испуге, мчится в небеса.
Мчится – и не смеет бить дыханьем твердь,
Всюду видя только – бледность, холод, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали из воды.
Белый снег ложится, вьется над волной,
Воздух заполняя мертвой белизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц.
Царству белой смерти нет нигде границ.
Что ж вы здесь искали, выброски зыбей,
Остовы немые мертвых кораблей?

2

«На Полюс! На Полюс! Бежим, поспешим,
И новые тайны откроем!
Там, верно, есть остров – красив, недвижим,
Окован пленительным зноем!

Нам скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний.
Мы жаждем качанья немых кораблей,
Мы жаждем далеких скитаний.

В безвестном – услада тревожной души,
В туманностях манят зарницы.
И сердцу рокочут приливы: „Спеши!“
И дразнят свободные птицы.

Нам ветер бездомный шепнул в полусне,
Что сбудутся наши надежды:
Для нового Солнца, в цветущей стране,
Проснувшись, откроем мы вежды.

Мы гордо раздвинем пределы Земли,
Нам светит наш разум стоокий.
Плывите, плывите скорей, корабли,

Плывите на Полюс далекий!»

3

Солнце свершает
Скучный свой путь.
Что-то мешает
Сердцу вздохнуть.

В море приливы
Шумно растут.
Мирные нивы
Где-то цветут.

Пенясь, про негу
Шепчет вода.
Где-то к ночлегу
Гонят стада.

4

Грусть утихает:
С другом легко.
Кто-то вздыхает –
Там – далеко.

Счастлив, кто мирной
Долей живет.
Кто-то в обширной
Бездне плывет.

Нежная ива
Спит и молчит.
Где-то тоскливо
Чайка кричит.

5

«Мы плыли – все дальше – мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
От влажной крутящейся пыли
Кружилась не раз голова.

Туманы клубились густые,
Вставал и гудел Океан, –
Как будто бы ведьмы седые
Раскинули вражеский стан.

И туча бежала за тучей,

За валом мятежился вал.
Встречали мы остров плавучий,
Но он от очей ускользал.

И там, где из водного плена
На миг восставали цветы,
Крутилась лишь белая пена,
Сверкая среди темноты.

И дерзко смеялись зарницы,
Манившие миром чудес.
Кружились зловещие птицы
Под склепом пустынных Небес.

Буруны закрыли со стоном
Сверканье Полярной Звезды.
И вот уж с пророческим звоном
Идут, надвигаются льды.

Так что ж, и для нас развернула
Свой свиток седая печаль?
Так, значит, и нас обманула
Богатая сказками даль?

Мы отданы белым пустыням,
Мы тризну свершаем на льдах.
Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах!»

6

Скрипя, бежит среди валов,
Гигантский гроб, скелет плавучий.
В телах обманутых пловцов
Иссяк светильник жизни жгучей.

Огромный остов корабля
В пустыне Моря быстро мчится.
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.

За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские.

И шепчут волны меж собой,
Что дальше их пускать не надо, –
И встала белою толпой
Снегов и льдистых глыб громада.

И песни им надгробной нет,
Бездушен мир пустыни сонной,
И только Солнца красный свет
Горит, как факел похоронный.

7

Да легкие хлопья летают,
И беззвучную сказку поют,
И белые ткани сплетают,
Созидают для Смерти приют.

И шепчут: «Мы – дети Эфира,
Мы – любимцы немой тишины,
Враги беспокойного мира,
Мы – пушистые чистые сны.

Мы падаем в синее Море,
Мы по воздуху молча плывем,
И мчимся в безбрежном просторе,
И к покою друг друга зовем.

И вечно мы, вечно летаем,
И не нужно нам шума земли,
Мы вьемся, бежим, пропадаем,
И летаем, и таем вдали...»

Из книги
«ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ»
МОСКВА
1900

АРОМАТ СОЛНЦА

Запах Солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В Солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам: –
Будет вам!
Не узреть вам райских врат.
Есть у Солнца аромат,
Сладко внятней только нам,
Зримый птицам и цветам!

КАК ИСПАНЕЦ

Как Испанец, ослепленный верой в Бога и любовью,
И свою опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущельи, под Сиэррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Пэру засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою Аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разброшаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь.

ДАЛЕКИЙ СЛЕД

Я люблю далекий след – от весла,
Мне отрадно подойти – вплоть до зла,
И его не совершив – посмотреть,
Как костер, вдали, за мной – будет тлеть.

Если я в мечте поджег – города,
Пламя зарева со мной – навсегда.
О, мой брат! Поэт и царь – сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты – и горим!

В ГЛУХИЕ ДНИ

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, – озверены и неодемы,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

ПОД ЯРМОМ

Как под ярмом быки влекут тяжелый воз,
И оставляют след продольностью колес,
Так наши помыслы, намеренья, деянья
За нами тянутся, готова горечь слез,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья, –
Они накопятся, и, рухнув, как утес,
Глухими гулами ворвутся к нам в сознание,
Как крик раскаянья, как вопль воспоминанья.

И ПЛЫЛИ ОНИ

И плыли они без конца, без конца,
Во мраке, но с жаждою света.
И ужас внезапный объял их сердца,
Когда дождались ответа.

Огонь появился пред взорами их,
В обрыве лазури туманной.
И был он прекрасен, и ровен, и тих,
Но ужас объял их неожиданный.

Как тени слепые, закрывши глаза,
Сидели они, засыпая.
Хоть спали – не спали, им снилась гроза,
Глухая гроза и слепая.

Закрытые веки дрожали едва,
Но свет им был виден сквозь веки.
И вечность раздвинулась, грозно-мертва:
Все реки, безмолвные реки.

На лоне растущих чернеющих вод
Зажегся пожар беспредельный.
Но спящие призраки плыли вперед,
Дорогой прямой и бесцельной.

И каждый, как дремлющий дух мертвеца,
Качался в сверкающем дыме.
И плыли они без конца, без конца,
И путь свой свершили – слепыми.

УРОДЫ

Сонет

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Лады, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побеги белены,
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, –

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

В ДУШАХ ЕСТЬ ВСЕ

В душах есть все, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создано первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла усладой певучей,
Совесь, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, –
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, –
Пламенный знак моего постоянства.
Небо – в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко – уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,
Страшно – в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность,
Душу мою!

ЗАКАТНЫЕ ЦВЕТЫ

О, краски закатные! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просветленные.
Равнины туманятся, и леса необъятные,
Как будто не жившие, навсегда утомленные.

И розы небесные, облака бестелесные,
На доли печальные, на селения бедные,
Глядят с состраданием, на безвестных – безвестные,
Поникшие, скорбные, безответные, бледные!

МАЙЯ

Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветущий в столетие раз,
Пряный, дышал между гор, на вершинах.
Месяц за скалы проплыл и погас.

В темной пещере, задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мертвеца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читал он, святое моление;
Только прочел – и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине.

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина, и цель,
Пышность восторга, и сумрак потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпадения от вечного Браммы,
Ужас мучительный, сон бытия.

К самому небу возносятся горы,
Рушится с гулом утес на утес,
Топот и ропот, мольбы и укоры,
Тысячи быстрых и звонких колес.

Бешено мчатся и люди и боги...

«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги,
Майя – бездушный немой океан!»

Скрылись виденья. На горных вершинах
Ветер в узорах ветвей трепетал.
Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветок вековой, отцвел.

КАК КРАСНЫЙ ЦВЕТ НЕБЕС

Как красный цвет небес, которые не красны,
Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вокруг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна,
Так жизнь с восторгами и с блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ

Я – просветленный, я кажусь собой,
Но я не то, – я остров голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Он издали являет цвет лазури.

Я – вольный сон, я всюду и нигде: –
Вода блестит, но разве луч в воде?
Нет, здесь светя, я где-то там блистаю,
И там не жду, блесну – и пропадаю.

Я вижу все, везде встает мой лик,
Со всеми я сливаюсь каждый миг.
Но ветер как замкнуть в пределах зданья?
Я дух, я маг, я страж мирознания.

АЛЬБАТРОС

Над пустыней ночью морей альбатрос одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,

Любовался, как царством своим, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним Океан.

И порой омрачаясь, далеко, на небе холодном,
Одинокó плыла, одинокó горела Луна.
О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным!
Одинокество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

КРИК ЧАСОВОГО

Сонет

Пройдя луга, леса, болота, горы,
Завоевав чужие города,
Солдаты спят. Потухнувшие взоры –
В пределах дум. Снует их череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда, –
Солдаты спят, как нищие, как воры.

Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Все спит. И пусть. Я – верный – тут.
До завтра сном беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьме – чуть слышные шаги.
Их тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Из книги
«БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»
МОСКВА
1903

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть море,

И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре.
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

* * *

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны;
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

ГАРМОНИЯ СЛОВ

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,

И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
И рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

ВЛИЯНИЕ ЛУНЫ

Я шел безбрежными пустынями,
И видел бледную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а к безымерности,
За кругозорностью земной,
Где нет измен и нет неверности,
Где все объято тишиной.

Там нет ветров свирепо дышащих,
Там нет ни друга, ни врага,
Там нет морей, себя не слышащих
И звонко бьющих в берега.

Там все застывшее, бесстрастное,
Хотя внушающее страсть, –
Затем что это царство ясное
Свою нам передало часть.

В нас от него встают желания, –
Как эхо, грянувшее вдруг,
Встает из сонного молчания,
Когда уж умер самый звук.

И бродим, бродим мы пустынями,
Средь лунатического сна,
Когда бездонностями синими
Над нами властвует Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Перед царицей тишины,
И в сны свои светло влюбляемся
По мановению Луны.

ДОЖДЬ

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

ВЛАГА

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» – Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!» –
Полночь глядит с небосклона.

В МОЕМ САДУ

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.

Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается,
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные,
В глазах твоих – признание потемневшее,
И губы, губы красные.

С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется,
О, тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь – пьяна, как гроздья спелые,
В моей душе – звучат призывы страстные,
В моем саду – сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные!

ХОЧУ

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом.
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем!

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
– Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
– Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
– Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

ЕЩЕ НЕОБХОДИМО

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внешним и жестоким, быть нежным без конца,
И всех манить волненьем красивого лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы все стремимся к Богу, мы тянемся к Нему,
Но Бог всегда уходит, всегда к Себе маня,
И хочет тьмы – за светом, и после ночи – дня.

Всегда разнообразных, Он хочет новых снов,

Хотя бы безобразных, мучительных миров,
Но только полных жизни, бросающих свой крик,
И гаснувших покорно, создавши новый миг.

И маятник всемирный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И Бог всегда уходит. И мы должны идти.

ГОЛОС ЗАКАТА

Я отошедший день, каких немного было
На памяти твоей, мечтающий мой брат.
Я предвечернее светило,
Победно-огненный закат.

Все краски, сколько их сокрыто в силе света,
Я в мысль одну вложил, которая горит,
В огонь рубиновый одета
И в нежно-дымный хризолит.

Многоразличные созвучия сиянья
По небу разбросав, я все их слил в одно:
В восторг предсмертного сознания,
Что мне блаженство суждено.

Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозя,
Что быть прекрасней – невозможно,
И быть блаженнее – нельзя.

Гляди же на меня, о, дух мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блеск бездонности зеркальной
Роскошно гаснущего дня.

Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

ГИМН ОГНЮ

Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцаньи церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоликий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый, и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты, –
О, красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду – другой.
Ты красный и дымный
В клочкотаньи костра.
Ты как страшный цветок с лепестками из пламени,
Ты как вставшие дыбом блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основаньем.
Ты являешься в быстром сияньи зарниц.
Ты, застывши, горишь в грозовых облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты средь шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.
Ты в хрустальности звезд, и в порыве комет.
Ты от Солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательноходишь в растения,
И будя, и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешь как колос пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!
Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильней, нет странней, нет светлей красоты!

Не устану тебя восхвалять,
 О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
 На тебе расплавляют металлы.
 Близ тебя создают и куют
 Много тяжких подков,
 Много кос легкозвонных,
 Чтоб косить, чтоб косить,
 Много колец для пальцев лилейных,
 Много колец, чтоб жизни сковать,
 Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть,
 И устами остывшими слово «любить»
 Повторять.
 Много можешь ты странных вещей создавать,
 Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
 Чтобы ценное золото в безднах добыть,
 И отточенный нож, чтоб убить.

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты,
 Я такой же, как ты.
 О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
 Ты живешь, ты живешь!
 В старину ты, как Змей, прилетал без конца
 И невест похищал от венца.
 И как огненный гость много раз, в старину,
 Ты утешил чужую жену.
 О, блестящий, о, жгучий, о, яростный!
 В ярком пламени несколько разных слоев.
 Ты горишь как багряный, как темный, как желтый,
 Весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних листьев.
 Ты блестящий как двенадцатицветный алмаз,
 Как кошачья ласкательность женских влюбляющих глаз, –
 Как восторг изумрудный волны океана,
 В тот миг как она преломляется,
 Как весенний листок, на котором росинка дрожит и качается,
 Как дрожанье зеленой мечты светляков,
 Как мерцанье бродячих огней,
 Как зажженные светом вечерним края облаков,
 Распростерших свой траур над ликом сожженных и гаснущих дней.

Я помню, Огонь,
 Как сжигал ты меня.
 Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки огня.

Нас терзали за то, что мы видели тайное,
Сожигали за радость полночного ша́баша,
Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящие здания,
Где сжигали себя добровольно, среди тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные, мы.
И при звуках молитв, с исступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя любил.

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для нас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знание, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О, душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне – Смерть!

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИК

Меж древних гор жил сказочный старик,
Безумием объятый необычным.
Он был богач, поэт – и часовщик.

Он был богат во многом и в различном,
Владел землей, морями, сонмом гор,
Ветрами, даже небом безграничным.

Он был поэт, и сочетал в узор
Незримые безгласные созданья,
В чьих обликах был красноречьем – взор.

Шли годы вне разлада, вне страданья,
Он был бы лишь поэтом навсегда,
Но возымел безумное мечтанье.

Слова он разделил на нет и да,
Он бросил чувства в область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтоб вернее было их значенье,
Чтобы означить след их полосы,
Их двойственность, их смену и течение, –

Поэт безумный выдумал часы.
Их дикий строй снабдил он голосами:
Одни из них пленительной красы, –

Поют, звенят; другие воют псами;
Смеются; говорят; кричат, скорбя.
Так весь свой дом увесил он часами.

И вечность звуком времени дробя,
Часы идут путем круговращения,
Не уставая повторять себя.

Но сам создав их голос как внушенье,
Безумный часовщик с теченьем лет
Стал чувствовать к их речи отвращенье.

В его дворце молчанья больше нет,
Часы кричат, хохочут, шепчут смутно,
И на мечту, звеня, кладут запрет.

Их стрелки, уходя ежеминутно,
Меняют свет на тень, и день на ночь,
И все клянут, и все клянут попутно.

Не в силах отвращения превозмочь,
Безумный часовщик, в припадке гнева,
Решил прогнать созвучья эти прочь, –

Лишить часы их дикого напева:
И вот, раскрыв их внутренний состав,
Он вертит цепь направо и налево.

Но строй ли изменился в них и сплав,
Иль с ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкий нрав, –

И подняли такое завыванье,
И начали так яростно звенеть,
Что часовщик забыл негодованье, –

И слыша проклинаящую медь,
Как трупами испуганный анатом,
От ужаса лишь мог закаменеть.

А между тем часы, гудя набатом,
Все громче хаос воплей громоздят,
И каждый звук – неустрашимый атом.

Им вторят горы, море, пленный ад,
И ветры, напоенные проклятьем,
В пространствах снов кружат, кружат, кружат.

Рожденные чудовищным зачатием,
Меж древних гор мнутуют нет и да,
Враждебные, слились одним объятьем, –

И больше не умолкнут никогда.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Закрыв глаза, я слушаю безгласно,
Как гаснет шум смолкающего дня.
В моей душе торжественно и ясно.

Последний свет закатного огня,
В окно входя цветною полосой,
Ласкательно баюкает меня.

Опустошенный творческой грозой,
Блаженно стынет нежащийся дух,
Как стебли трав, забытые косою.

Я весь преображаюсь в чуткий слух,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мне жужжанье мух.

Я замер в сладкой дреме ожидания,
Вот-вот кругом сольется все в одно;
Я в музыке всемирного мечтанья.

Все то, что во вселенной рождено,
Куда-то в пропасть мчится по уклонам,
Как мертвый камень падает на дно.

Один – светло смеясь, другой – со стоном,
Все падают, как звуки с тонких струн,
И мир объят красиво-скорбным звоном.

Я вижу много давних снежных лун,
Я вижу изумрудные планеты,
По их морям не пенится бурун.

На них иные призраки и светлы.
И я в безмолвном счастье сознаю,
Что для меня не все созвучья спеты.

Я радуюсь иному бытию,

Гармонию планет воспринимаю,
И сам – в дворце души своей – пою.

Просторам звезд ни грани нет, ни краю,
Пространства звонов полны торжеством.
И, все поняв, я смыслы их впиваю.

Исходный луч в сплетеньи мировом,
Мой разум слит с безбрежностью блаженства,
Поющего о мертвом и живом.

Да будут пытки! В этом совершенство.
Да будет боль стремлений без конца!
От рабства мглы – до яркого главенства!

Мы звенья вокруг созвездного кольца,
Прогалины среди ветвей сплетенных,
Мы светотень разумного лица.

Лучами наших снов освобожденных
Мы тянемся к безмерной Красоте
В морях сознания, звонких и бездонных.

Мы каждый миг – и те же и не те,
Великая расторгнута завеса,
Мы быстро мчимся к сказочной черте, –

Как наши звезды к звездам Геркулеса.

Из книги
«ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ»
МОСКВА
1903

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Свой мозг пронзил я солнечным лучом.
Гляжу на Мир. Не помню ни о чем.
Я вижу свет, и цветовой туман.
Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.

Как луч горит на пальцах у меня!
Как сладко мне присутствие огня!
Смешалось все. Людское я забыл.
Я в мировом. Я в центре вечных сил.

Как радостно быть жарким и сверкать!
Как весело мгновения сжигать!
Со светлыми я светом говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: Плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

СНЕЖИНКА

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взмечается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,

С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне хочется снова дрожаний качели,
В той липовой роще, в деревне родной,
Где утром фиалки во мгле голубели,
Где мысли робели так странно весной.

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
Но только б упиться бездонным, безбрежным,
В раю белоснежном, в раю голубом.

И, если любил я безумные ласки,
Я к ним остываю, совсем, навсегда,
Мне нравится вечер, и детские глазки,
И тихие сказки, и снова звезда.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под Луной,
Точно вырезные,
Опьяненные Весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздастся.
И в сердцах Любовь журчит,
И Весна смеется.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко.
Оттого, что там в пруду –
Золотая рыбка.

* * *

Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной,
И я тебя любил, и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой... бледнеющий... неясный...
О, в этот лунный час я о тебе скорблю!

Мне хочется, чтоб Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила нас.
Мне хочется, чтоб я, исполненный бессилья,
В твои глаза струил огонь влюбленных глаз.

Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза, и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся – твоя!»

Я знаю, все цветы для нас могли возникнуть,
Во мне дрожит любовь, как лунный луч в волне.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»

* * *

Прозвенит ли вдали колокольчик,
Колокольчик, во мгле убегающий, –
Догорает ли Месяц за тучкой,
Там за тучкой, бледнеющей, тающей, –

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! –
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной, –

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, –
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабывтая, горько-любимая.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, –
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, –
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

* * *

Когда я был мальчиком, маленьким, нежным,
 Был кроток мой взор и глубок.
Ты знаешь, что утром, пред Морем безбрежным
 Горит золотистый песок?

Когда я был юношей, робким и странным,
 Я вечной был полон тоской.
Ты знаешь, что вечером, в свете туманном,
 Русалки поют над рекой?

Когда я стал страстным, желанным и властным,
 Целую я всех на пути.
Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
 Так страшно, так страшно идти?

К НОЧИ

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной, –
 О, Ночь, побудь со мной,
 О, Ночь, побудь моей,
 Дай мне побыть во сне,
 В бездонной глубине,
 Где скрыты зерна дней.

Окутанная дымом сожженных вечеров,
Дочь Хаоса немая, любимица веков, –
 О, Ночь, пошли мне снов,
 Мою печаль развей,
 О, Ночь, люби меня,
 Я так устал от Дня,
 Хотя я жажду дней.

Ты, капище видений, свобода всех рабов,
Колдунья преступлений и самых нежных слов, –
 О, Ночь, сгущи покров
 Своих густых теней,
 Чтоб мне забыть себя,
 Чтоб снова жить любя
 Рожденье новых дней.

В одежде из созвездий, где каждая звезда
Живет тысячелетья, и вечно молода, –
 О, Ночь, живи всегда,
 О, Ночь, свой мрак лелей,
 Чтоб в блеске красоты
 Еще цвели цветы

Не мне цветущих дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хрустит песок.
О, как мне больно у Моря ночью.
Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
Других светлее и всех нежней.
Но, если сердце ее отметит,
Она далеко, не быть мне с ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песок затащит, зальет волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбит лишь Смерть одна.

СТАРЫЙ ДОМ

Прерывистые строки

В старинном доме есть высокий зал,
Ночью в нем слышатся тихие шаги,
В полночь оживает в нем глубина зеркал,
И из них выходят друзья и враги.

Бойтесь безмолвных людей,
Бойтесь старых домов,
Страшиться мучительной власти нескáзанных слов,
Живите, живите – мне страшно – живите скорей.

Кто в мертвую глубь враждебных зеркал
Когда-то бросил безответный взгляд,
Тот зеркалом скован, и высокий зал
Населен тенями, и люстры в нем горят.

Канделябры тяжелые свет свой льют,
Безжизненно тянутся отсветы свечей,
И в зал, в этот страшный призрачный приют
Привиденья выходят из зеркальных зыбей.

Есть что-то змеиное в движении том,
И музыкой змеиною вальс поет,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый дом,

Кто в тебя дневной неполночный свет прольет?

Кто в тебе тяжелые двери распахнет?
Кто воскресит нерассказанность мечты?
Кто снимет с нас этот мучительный гнет?
Мы только отражения зеркальной пустоты.

Мы кружимся бешено один лишь час,
Мы носимся с бешенством скорее и скорей,
Дробятся мгновения и гонят нас,
Нет выхода, и нет привидениям дверей.

Мы только сплетаемся в пляске на миг,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Пред каждым и с каждым его же двойник,
И вновь мы возвращаемся в зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходим незримо туда,
Где будто бы все ясно и холодно-светло,
Нам нет возрожденья, не будет никогда,
Что сказано – отжито, не сказано – прошло.

Бойтесь старых домов,
Бойтесь тайных их чар,
Дом тем более жаден, чем он более стар,
И чем старше душа, тем в ней больше задавленных слов.

ГИМН СОЛНЦУ

1

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Страшный сжигающий Свет!
Дай мне – на пире
Звуком быть в лире, –
Лучшего в Мире
Счастья нет!

2

О, как, должно быть, было это Утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге перламутра,
Зажглось ты первым творческим лучом.

Над Хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полнотность,
Все было «Да», не возникало «Нет».

В ликующем и пьяном Океане
Тьмы тем очей глубоких ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все, так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотой,
Не надо было в них впасть печаль.

Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то Утро ты соткало свой наряд.

Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,
Но в каждый взор вливало блеск огней.

И много раз лик Мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос Солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.

«О, дети Солнца, как они прекрасны!» –
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.

То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы, –
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты, –

То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,
И, с ним любя бесстрашною любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду, –

То между снов пластической Эллады,

Где Дионис царил и Аполлон, –
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум Мира в Солнце был влюблен.

Как не любить светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы,
Гвоздики алые, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь Мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном Хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают – они и мы, глядят – и я и ты,
Растет, поет, сверкает, и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.

Без Солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, нам зримы свет и тень.

Без Солнца облака – тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь, – воздушно-золотые,
Они воздушней детских грез,
Нежней, чем мысли молодые.

Ты не взойдешь еще, а Мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер Мая,
И влагой синею поишь ты небосвод,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вот твой яркий диск на Небеса взошел,
Превыше вечных гор, горишь ты над богами,
И люди Солнце пьют, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол,
На Солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками.

Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке, –
Когда, желанный нам, услышим звонкий смех,
Когда увидим луч, среди чащи, на тропинке.

Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд,
И в глыбах темных туч, разорванных грозой,
Когда меж них горит, манящей полосой,
Воздушный семицветный мост.

Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной.
Без Солнца наша жизнь была б однообразной,
Теперь же мы живем мечтою вечно-разной,
Но более всего ласкаешь ты – весной.

4

Свежей весной
Всеозаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной, –
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее, –
Ты, пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем Июле,
Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.
Ты жгучее в Африке, свет твой горит
Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид,
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары.
Ты в отблесках мертвых, в пределах тех стран,
Где белою смертью одет Океан,
Что люди зовут Ледовитым, –
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льды,
Белея под ветром сердитым.
В Норвегии бледной – полночное ты;
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях неожиданных.
Ты тусклое там, где взрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи,
В краях для тебя нежеланных.
Но Солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловещий твой свет,
И, если есть черные страны,

Где люди в бреду и в виденьях весь год,
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы,
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды богаче избранников дней.

5

Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,
И хоть струны Поэта звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если б я родился не Певцом, истомленным тоскою,
Если б был я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсил бы берег жемчужиной – искрой морской –
Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех глубиной.

Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом,
Я расцвел бы как ландыш, как белый влюбленный цветок,
Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается летом,
И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.

Так, тебя воспевая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частью слышу ликующий жизненный смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда – молодое,
Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты – для всех.

6

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
Воспевшего тебя, как я пою,
Ласкаешь тем же светом василиска,
Лелеешь нежных птичек и змею.

Меняешь бесконечно сочетанья
Людей, зверей, планет, ночей, и дней,
И нас ведешь дорогами страданья,
Но нас ведешь к Бессмертию Огней.

Люблю, что тот же самый свет могучий,
Что нас ведет к немеркнущему Дню,
Струит дожди, порвавши сумрак тучи,
И приобщает нежных дев к огню.

Но, если, озаряя и целуя,
Касаешься ты мыслей, губ, и плеч,
В тебе всего сильнее то люблю я,
Что можешь ты своим сияньем – сжечь.

Ты явственно на стоны отвечаешь,
Что выбор есть меж сумраком и днем,
И ты невесту с пламенем венчаешь,
Когда в душе горишь своим огнем.

В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,
Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен, –

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на Солнце, про себя сказала:
«Еще теперь я победить могу!»

И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф – несбывшийся позор.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильнее, чем Мир,
В любовниках, чьи жаркие лобзанья
Через века почувствовал Шекспир.

Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови,
Пленителен, пред этой Змейкой Нила,
Антоний, сжегший ум в огне любви.

Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.

Ты их сожгло. Но в светлой мгле забвенья
Земле сказала: «Снова жизнь готовь!» –
Над их могилой – легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.

И как в великой грезе Македонца
Царил над всей Землею ум один,
Так ты одно царишь над Миром, Солнце,
О, мировой закатный наш рубин!

И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому Царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной
Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Мудро сжигающий – Свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире, –
Лучшего в Мире
Счастья нет!

Из книги
«ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ»
МОСКВА
1905

И НЕТ ПРЕДЕЛОВ

Ты создал мыслию своей
Богов, героев, и людей,
Зажег несчетности светил,
И их зверями населил.

От края к краю – зов зарниц,
И вольны в высях крылья птиц,
И звонко пенье вешних струй,
И сладко-влажен поцелуй.

А Смерть возникнет в свой черед, –
Кто выйдет здесь, тот там войдет,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрее.

Все звери в страсти горячи,
И Солнце жарко льет лучи,
И нет пределов для страстей
Богов, героев, и людей.

ИЗ ПОЭМЫ «ФАТА-МОРГАНА»

1. ПРЕДРАССВЕТНО-ЛЕПЕСТКОВЫЙ

Неназываемый цветок,
Который нежен и прелестен,
И каждой девушке известен,
Как всем певцам рожденье строк.

Неназываемый цветок,
Что только раз один алеет,
И повторяться не умеет,
Но все вложил в один намек.

Неназываемый цветок.

2. ЗОЛОТИСТЫЙ

Лютик золотистый,
Греза влажных мест,
Луч, и шелк цветистый,
Светлый сон невест.

Пляска брызг огнистых
В пламени костров,
Между красно-мглистых
Быстрых огоньков.

Колос, отягченный
Числами зерна,
Вечер позлащенный,
Полная Луна.

3. НЕЖНО-ЛИЛОВЫЙ

Колокольчик на опушке леса,
С звонами, что внятны слуху фей,
Бархатисто-пышная завеса,
Возле лиловатых орхидей.

В лепете романса – цвет сирени,
Сад мечты, и в нем упавший лист,
В красочном контрасте – свет и тени,
На руке лилейной – аметист.

4. ОПАЛОВО-ЗИМНИЙ

Легкий слой чуть выпавшего снега,

Серп Луны в лазури бледно-синей,
Сеть ветвей, узорная их нега.
Кружевом на всем – воздушный иней.

Духов серебристых замок стройный,
Сонмы фей в сплетеньях менуэта,
Танец блесков, матово-спокойный,
Бал снежинок, вымышленность света.

ОТЗВУКИ БЛАГОВЕСТА

В неподвижности, в безгласной летаргии
Прибрежных скал, молчащих над водой, –
Молчащих век, века, еще, другие,
Молчащих в безглагольной летаргии, –
Есть смысл – какой? – не уловить мечтой,
Но только вечный, благостный, святой,
Сильней, чем все напевности морские.

БОГ ОКЕАН

Волны морей, беспредельно – пустынно – шумящие,
Бог Океан, многогласно – печально – зывающий,
Пенные ткани, бесцельно – воздушно – летящие,
Брызги с воздушностью, призрачно – сказочно – тающей.

Горькие воды, туманно – холодно – безбрежные,
Долгий напев, бесконечно – томительно – длительный,
Волны морей, без конца – без конца – безнадежные,
Бог Океан, неоглядно – темно – утомительный.

НЕ ОБВИНЯЙ

Не обвиняй, не обвиняй. Быть может он неправ.
Но он в тюрьме твоей забыл пучок душистых трав.
И он в тюрьме твоей забыл замуровать окно.
И Мир Ночной, и Мир Дневной идут к тебе на дно.

Ты потонул. Ты здесь уснул. И встать не можешь ты.
Но вот в тюрьме глядят, растут, и царствуют цветы.
На месте том, где ты лежишь, как труп ты должен быть.
Но сердце знает, что нельзя созвездья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй – хотя бы потому,
Что обвиненьем все равно не повредишь ему,
А только сделаешь свой взор тяжелым и больным.
И, если вправду он неправ, сравнишься ты с ним.

А если то не случай был, что он забыл цветы?
А если то не случай был, что Небо видишь ты?
Как взглянешь ты, когда он вдруг в тюрьме откроет дверь,
Отворит дверь, что заперта, закована теперь?

Я знаю, больно ждать того, что только может быть.
Но счастлив тот, кто даже боль сумеет полюбить.
Я знаю все. Мне жаль тебя. Но чу! Цветы – цветут.
Мой брат, я – дух того, кто был – в твоей тюрьме – вот тут.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Запад и Север объята
Пламенем вечера сонного.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженного.

Ветер шумит, не смолкая,
Между листов опадающих.
С криком проносится стая
Птиц, далеко улетающих.

Счастлив, кто мудро наполнил
Хлебом амбары укромные.
Горе, кто труд не исполнил,
Горе вам, мыслями темные!

«PAX HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS»

Мир на Земле, мир людям доброй воли.
Мир людям воли злой желаю я.
Мир тем, кто ослеплен на бранном поле,
Мир тем, в чьих темных снах живет Змея.

О, слава Солнцу пламенному в вышних,
О, слава Небу, звездам, и Луне.
Но для меня нет в Мире больше лишних,
С высот зову – и тех, кто там, на дне.

Все – в Небесах, все – равны в разной доле,
Я счастлив так, что всех зову с собой.

Идите в Жизнь, мир людям доброй воли,
Идите в Жизнь, мир людям воли злой.

ИЗ ПОЭМЫ «ОГОНЬ»

Огонь приходит с высоты,
Из темных туч, достигших грани
Своей растущей темноты,
И порождающей черты
Молниеносных содроганий.
Огонь приходит с высоты,
И, если он в земле таится,
Он лавой вырваться стремится,
Из подземельной тесноты,
Когда ж с высот лучом струится,
Он в хоровод зовет цветы.

Но что это? Дрогнув, меняются чары,
Как будто бы смех Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись к долинам с вершин,
Мне шепчет, что жадны, как звери, растенья,
И сдавленность воплей я слышу сквозь пенье,
И если мечте драгоценны каменья,
Кровавы гвоздики и страшен рубин.

Мне страшен угар ароматов и блесков расцвета,
Все смешалось во мне,
Я горю как в Огне,
Душное Лето,
Цветочный кошмар овладел распаленной мечтой,
Синие пляшут огни, пляшет Огонь золотой,
Страшною стала мне даже трава,
Вижу, как в мареве, стебли немые,
Пляшут и мысли кругом и слова.
Мысли – мои? Или, может, чужие?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, в своих сновиденьях бессонные.
Волчцы под Луной, привиденья они,
Обманные бродят огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, с цветами застылыми,
Точно их создала не Природа живая,
А измыслил в безжизненный миг человек.
Одуванчиков стая седая.
Миллионы раздавленных красных цветов,
Клокотанье кроваво-окрашенных рек.
Гнет Пустыни над выжженной ширью песков.
Кактусы, цепкие, хищные, сочные,

Странно-яркие, тяжкие, жаркие,
Не по-цветочному прочные,
Что-то паучье есть в кактусе злом,
Мысль он пугает, хоть манит он взгляд,
Этот ликующий цвет,
Смотришь – растенье, а может быть – нет,
Алою кровью напившийся гад?

И много, и много отвратностей разных,
Красивых цветов, и цветов безобразных,
Нахлынули, тянутся, в мыслях – прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголов, наркоз, с противным духом, –
Воронковидный венчик белены,
Затерто-желтый, с сетью синих жилок, –
С оттенком буро-красным заразиха,
С покатою шлемовидною губой, –
Подобный пауку, офрис, с губою
Широкой, желто-бурою, и красной, –
Колочее создание, татарник,
Как бы в броне крылоподобных листьев,
Зубчатых, паутинисто-шерстистых, –
Дурман вонючий, – мертвенный морозник, –
Цветы отравы, хищности, и тьмы, –
Мыльнянка, с корневищем ядовитым,
Взлюбившая края дорог, опушки
Лесные и речные берега,
Места, что в самой сущности предельны,
Цветок любимый бабочек ночных, –
Вороний глаз, с приманкою из ягод
Отливно-цветных, синевато-черных, –
Пятнадцатилучистый сложный зонтик
Из ядовитых беленьких цветков,
Зовущихся – так памятно – цикутой, –
И липкие исчадия Земли,
Ужасные растенья-полузвери, –
В ленивых водах, медленно-текущих,
В затонах, где стоячая вода,
Вся полная сосудов, пузырчатка,
Капкан для водной мелочи животной,
Пред жертвой открывает тонкий клапан,
Замкнет его в тюремном пузырьке,
И уморит, и лакомится гнилью, –
Росянка ждет, как вор, своей добычи,
Орудием уродливых железок
И красных волосков, так липко-клейких,
Улавливает мух, их убивает,
Удавливает медленным сжиманьем –
О, краб-цветок! – и сок из них сосет,
Болотная причудливость, растенье,
Которое цветком не хочет быть,

И хоть имеет гроздь расцветов белых,
На гада больше хочет походить.
Еще, еще, косматые, седые,
Мохнатые, жестокие виденья,
Измышленные дьявольской мечтой,
Чтоб сердце в достовернейшем, в последнем
Убежище, среди цветов и листьев,
Убить.

Кошмар! уходи, я рожден, чтоб ласкать и любить!
Для чар беспредельных раскрыта душа,
И все, что живет, расцветая, спеша,
Приветствую, каждому – хочется быть,
Кем хочешь, тем будешь, будь вольным, собой,
Ты черный? будь черным, мой цвет – голубой,
Мой цвет будет белым на вышних горах,
В вертепах я весел, я страшен впотьмах,
Все, все я приемлю, чтоб сделаться Всем,
Я слеп был – я вижу, я глух был и нем,
Но как говорю я – вы знаете, люди,
А что я услышал, застывши в безжалостном Чуде,
Скажу, но не все, не теперь,
Нет слов, нет размеров, ни знаков,
Чтоб таинство блесков и мраков
Явить в полноте, только миг – и закроется дверь,
Песчинок блестящих я несколько брошу,
Желанен мне лик Человека, и боги, растение, и птица, и зверь,
Но светлую ношу,
Что в сердце храню,
Я должен пока сохранять, я поклялся, я клялся Огню.

ИЗ ПОЭМЫ «ЗЕМЛЯ»

1

Странный мир противоречья,
Каждый атом здесь иной,
Беззаветность, бессердечье,
Лютый холод, свет с весной.

Каждый миг и каждый атом
Ищут счастья везде,
Друг за другом, брат за братом,
Молят, жаждут: «Где же? Где?»

Каждый миг и каждый атом
Вдруг с себя свергают грусть,
Любят, дышат ароматом,
Шепчут: «Гибнем? Что же! Пусть!»

И мечтают, расцветают,
Нет предела их мечте.
И внезапно пропадают,
Вдруг исчезнут в пустоте.

О, беспутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Как тебе себя не жалко?
Кровью дышат все поля.

Кровью дышат розы, маки,
И дневные две зари.
Вечно слышен стон во мраке: –
«В гробе тесно! Отвори!»

«Помогите! Помогите!» –
Что за странный там мертвец?
Взял я нити, сплел я нити,
Рву я нити, есть конец.

Если вечно видеть то же,
Кто захочет видеть сон?
Тем он лучше, тем дороже,
Что мгновенно зыбок он.

Ярки маки, маки с кровью,
Ярки розы, в розах кровь.
Льни бесстрашно к изголовью,
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же – мрак забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы в зеркале мгновенья
Ты красивым был опять.

Люди, травы, камни, звери,
Духи высшие, что здесь,
Хоть в незримой, в близкой сфере, –
Мир земной прекрасен весь.

Люди бледные, и травы,
Камни, звери, и цветы,
Все в своем явлении правы,
Все живут для Красоты.

Все в великом сложном Чуде –
И творенье, и творцы,
Служат страсти звери, люди,
Жизнь идет во все концы.

Всюду звери, травы, камни,

Люди, люди, яркий сон.
Нет, не будет никогда мне
Жаль, что в Мире я рожден!

Все вражды, и все наречья –
Буквы свитка моего.
Я люблю противоречье, –
Как сверкнуть мне без него?

2

Мерно, размерно земное страдание,
Хоть беспримерно по виду оно.
Вижу я в зеркале снов и мечтания.
Вижу глубокое дно.
Вечно есть вечер, с ним свет обаянья,
В новом явлении мечты и огни.

В тихие летние дни
Слышится в воздухе теплом жужжанье,
Гул голосов,
Звон и гуденье, как будто бы пенье
Тысяч, о, нет, мириад комаров,
Нет их меж тем в глубине отдаленья,
Нет и вблизи. Это сон? Наважденье?
Это – поднятые воздушных столбов.
Полосы воздуха вверх убегают.
Полосы воздуха нежно сверкают,
И непрерывность гуденья слагают,
Улей воздушный в садах облаков.

Му́ка долга́, но короче, короче, –
Души предчувствуют лучшие дни.
В светлые зимние ночи
В Небо взгляни.
Видишь созвездья, и их постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
В этих морях есть свои жемчуга.
Души там носятся в плясках навеки,
Вихри там просятся в звездные реки,
Всплески созвездные бьют в берега.
Чу, лишь сознанию внятные струны,
С солнцами солнца, и с лунами луны,
Моря планетного мчатся буруны,
Твердость Эфира лучами сверля, –
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вот! между ними – Земля!
Где же все люди? Их нет. Все пустынно.
Все так духовно, согласно, причинно,
Нет человек нигде.
Только твоя гениальность сознания,

Сердца бездонного с сердцем слиянье,
Песня звезды к отдаленной звезде.
Полосы, полосы вечного Света,
Радостной тайною Небо одето, –
Близко так стало, что было вдали.
Непостижимо прекрасное чудо: –
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда,
В глыбах бесцветных – восторг изумруда,
Майская сказка Земли.

Из книги
«ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ»
МОСКВА
1905

ПРОГУЛКА ФЕИ

Фея в сад гулять пошла,
Так нарядна и светла,
Говорит с цветами,
Ей цветы: Будь с нами.

Фея, будь, как мы, цветок,
Развернись как лепесток.
Будь рябинкой дикой,
Или повиликой.

Будь анютиным глазком,
Или синим васильком.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетит на лепесток
Желтокрылый мотылек,
Хоботком коснется.
Фея улыбнется.

Прилетит к тебе пчела,
Прожужжит, не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Мед приготавливаю.

Покачнув на тыне хмель,
Прогудит мохнатый шмель:
Ну-ка, поцелую
Фею молодую.

А когда придет закат,
Все цветы проговорят:
В росах умываться,
Спать приготавливаться.

Фея слушала цветы,
Фея нежила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

Или я на мотылька
Променяю светлячка?
Не хочу меняться. –
И давай смеяться.

Скрылась в замок под листком,
Забавлялась с Светляком.
Цветиком не стала,
Звонко хохотала.

БЕСПОРЯДКИ У ФЕИ

Сегодня майские жуки
Не в меру были громки.
И позабыли червяки
Мне осветить потемки.

Пошла бранить я Светляка,
Чтоб не давать поблажки.
Споткнулась вдруг у стебелька
Ромашки или кашки.

И вот лежу я и гляжу,
Кто черный там крадется.
Никак ума не приложу,
А сердце бьется, бьется.

И молвил кто-то грубо так:
«Послушай-ка, глядитка».
Тут лампочку зажег Светляк,
И вижу я – улитка.

Ползет, расставила рога,
Вся мокрая такая.
«Ступай», – сказал Светляк, «в луга»,
Слегка ее толкая.

А я ему: «Вина твоя!»

Где был? В гостях у мухи?»
И в эту ночь заснула я
Совсем-совсем не в духе.

ФЕЯ В ГНЕВЕ

Фея в печку поглядела.
Пламя искрилось и рдело.
Уголочки от осины
Были ярки как рубины.

И сказала Фея: Если,
Здесь, пред пламенем горящим,
Я сижу в узорном кресле,
И довольна настоящим, –

Вечно ль буду я довольна.
Или краток будет срок?
И вскричала тотчас: Больно! –
Пал ей в ноги уголек.

Фея очень рассердилась.
Кресло быстро откатилось.
Отыскав в углу сандала,
Фея ножку врачевала.

И, разгневавшись на печку,
Призывает Фея гнома.
Приказала человечку
Делать, что ему знакомо.

Тот скорее сыпать сажи,
Все погасло в быстрый срок.
Так темно, что страшно даже.
Был наказан уголек!

ТРИ ПЕСЧИНКИ

«Что можно сделать из трех песчинок?»
Сказала как-то мне Фея вод.
Я дал букетик ей из былинок,
И в трех песчинках ей дал отчет.

Одну песчинку я брошу в Море,
Ей будет любо, там в глубине.
Другая будет в твоём уборе,

А третья будет на память мне.

ШЕЛКОВИНКА

Из тонкой шелковинки я ниточку пряду,
По тонкой шелковинке тебя я поведу.
Кусочек перламутра – лампадочка моя.
В жемчужные покои войдем мы, ты и я.

Я там тебе открою атласную кровать,
И бабочки нам будут воздушно танцевать.
И тонко так, хрустально, подобные ручью,
Нам часики смешные споют: «Баю-баю».

СНЕЖИНКИ

На детскую руку упали снежинки,
На малом мизинчике восемь их было число.
Различную форму являли пушинки,
И все так мерцали воздушно-светло.
Вот крестики встали, вот звезды мелькнули,
Как мягок сквозистый их свет.
Но детские пальчики чуть шевельнули, –
И больше их нет.

Из книги
«ЗЛЫЕ ЧАРЫ»
МОСКВА
1906

СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ

Твой вечер настанет, и вместо всемирности вольного света,
За Солнцем погасшим, затеплишь ты в тесном покое свечу.
Твой вечер настанет. Кончается лето.
За летом? За осенью? Что там? Молчу.
Мы любим, хотя нам и жутко от тени,
Мы любим законченность комнат знакомых с узором немых половиц.
Крыльцо на запоре. Не хрустнут ступени.
Немые!

Дрожат на стене, как живые,
Отраженья движений.
И в странном, в каком-то церковном сближеньи сочетаются бледности лиц.
Без звука веселий,
Глаза утопают в глазах.
Что скрыто в их безднах? В них духи сейчас пролетели?
В них омут печали? В них сказка свидания? Страх?
Никто не придет к вам. На версты кругом закрутились завеи метели.
Не плачь и не бойся. В затеях-завеях мы тонем, но светим, как звезды в ночах.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

Полночный час. Ведовски-страшный час.
День схоронен. И вновь родится сложность.
Разъять восторг и пытку – невозможность.
Из вышних бездн глядит бездонность глаз.

Как жутко мне. Вот глуше все и тише.
И веянье я слышу в тишине.
Так бархатно. Как будто льнет ко мне
Беззвучное крыло летучей мыши.

ОРГИЯ ЖИЗНИ

Орел точит когти. Крадется волк прерий.
Сова направляет окольный полет.
Безжалостны птицы. Без жалости звери.
Безжалостность – свойство всех тех, кто живет.

Верховные гении этого мира,
Зарезанным горлом мы кормим свой день.
Нам трупы животных – услада для пира,
Тут нежная дева – бесчувственный пень.

Нередко мы думаем, будто растенья
Суть алость улыбки и нежный цветок.
Нет, в мире растений – борьба, убиенье,
И петли их усиков – страшный намек.

Ухватят, удушат, их корни лукавы,
И цвет орхидеи есть лик палача.
Люблю я растенья, но травы – удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ЗМЕИНЫЕ ВАЛЫ

Окопы древние, Змеиные валы,
Извивно-тяжкие мечты подземной мглы,
Кругосоздания из марева бесов,
Как перебраться к вам? – Через бездонный ров.

Созвездья слитные, вы, гроздь высоты,
Змеиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звезда Вечерняя, венец свершенных дней,
Где путь к вам? – Чрез эфир, в котором нет путей.

О, души женские, плененные мечтой,
Вы, сочетавшие змеиность с красотой,
Вы, вы, желанные, скажите, как к вам путь?
– Через бездонность глаз. Дрожишь? Оставь. Забудь.

НЕ ЗНАЮ

Я забыл, откуда я пришел,
Я, уйдя, не вспомню жизни здешней.
Я не знаю, мой ли произвол
Создал светлый призрак с дымом зол,
Осень предрешил в улыбке вешней.

Может быть, я сам свой вечный враг,
Может быть, под внешним дух склоняю.
Больно мне, но это вечно так,
Я – письмен безвестных странный знак,
Вписан – да, но для чего – не знаю.

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕР

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный взбитый хор!
Мы в Аду играли в прятки.
Будет! Кверху! Без оглядки!
Порадеет хор сестер.

Мы остудим, распростудим,
Разогреем, разомнем.
Мы проворны, ждать не будем.
Сестры! Сестры! Кверху! К людям!
Вот, мы с ними. Ну, начнем.

Цепко, крепко, Лихорадки,

Снова к играм, снова в прятки.
Человек – забава нам.
Сестры! Сестры! По местам!
Все тринадцать – с краснобаем
Где он? Жив он? Начинаем.

Ты, Трясея, дай ему
Потрястись, попав в тюрьму.

Ты, Огня, боль продли,
Прах земли огнем пали.

Ты, Ледея, так в озноб
Загони, чтоб звал он гроб.

Ты, Гнетя, дунь на грудь,
Камнем будь, не дайдохнуть.

Ты, Грудя, на груди
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухя, плюнь в него,
Чтоб не слышал ничего.

Ты, Ломя, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухня, знай свой срок.
Чтоб распух он, чтоб отек.

Ты, Желтя, в свой черед,
Пусть он, пусть он расцветет.

Ты, Корчя, вслед иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядя, встань как бес,
Чтобы сон из глаз исчез.

Ты, Сухя, он уж плох,
Сделай так, чтоб весь иссох.

Ты, Недея, всем сестра,
Пропляши ему «Пора».

В Человеке нет догадки.
Цепки, крепки Лихорадки.
Всех Сестер тринадцать нас.
Сестры! Книзу! Кончен час!

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым – лишь свет любя.

Он с легким сердцем, во имя Бога,
Копье наметил и поднял щит.
Но мыслей встало так много, много,
И он, сразивши, сражен, молчит.

И конь святого своим копытом
Ударил гневно о край пути.
Сюда он прибыл путем избитым.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгий, святой Георгий,
И ты изведаль свой высший час!
Пред сильным Змеем ты был в восторге,
Пред мертвым Змием ты вдруг погас!

БЛИЗ СИНЕГО КАМНЯ

Близ Синего камня песок золотой,
Песок золотой, измельченный Водой.

Вода – голубая, прозрачная днем.
И черная, злая во мраке ночном.

Близ Синего камня песок золотой,
И падает с Неба звезда за звездой.

Вода умножает и точит песок,
А Камень все тот же, и путь все далек.

Пути все далеки для тех, кто идет
Песком измельченным, над сказкою вод.

И вечно все тот же песок золотой,
Близ Синего камня, над вечной Водой.

ЗАРЯ-ЗАРЯНИЦА

Заговор

Заря-Заряница,
Красная Девица,
Красная Девица, полуночница.
Красные губы,
Белые зубы,
Светлые кудри, светлоочница.
Все ли вы, Зори,
В красном уборе,
С кровавыми лентами, рдяными?
Вечно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть над туманами?
Заря-Заряница,
Красная Девица,
Будь ты моею защитою,
От вражией силы,
Довременной могилы,
И от жизни, тоскою повитою.
По какому наитью,
Рудожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узор над трясинною черною?
Чудо-девица,
Заря-Заряница,
Заря-Заряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости в краске,
Будет уж, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будет нам, уж будет этой алости.
Или ты, Заря,
Каждый день горя,
Так и не узнаешь нежной жалости?

ДРАКОНИТ

Темный камень драконит
Уж не так хорош на вид.
Изумруд его нежней,
В бриллианте свет сильнее.
И нежней его опал,
И рубин пред ним так ал.
И однако драконит
Тем хорош, что верно мстит.
Чтоб достать его, дождись,

Как ущербный Месяц вниз,
Над пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.
Там Дракон в пещере спит.
В мозге зверя – драконит.
Гибок Змей, но мозг его
Неуклоннее всего.
Мозг Дракона – весь в узлах,
Желтый в них и белый страх.
Красный камень и металл
В них не раз захохотал.
Темный в этом мозге сон,
Черной цепью скован он.
Желтый Месяц вниз глядит.
Вот он камень драконит.
Тише, тише подходи,
В сне Дракона не щади.
Замер в грезе он своей.
Метко целься, прямо бей.
Поразив его меж глаз,
Мозг исторгни, и сейчас
Пред тобою заблестит
Страшный камень драконит.
С этим камнем – на врага.
Реки бросят берега,
И хоть будь твой враг велик,
Он в воде потонет вмиг.
Этот камень-амулет
Много даст тебе побед.
Вещий камень драконит,
Зеленея, метко мстит.
Этим камнем под Луной
Поиграй во тьме ночной.
Дальний враг твой ощутит,
Мстит ли камень драконит.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗ

Красной калиной покой свой убрав,
Принеся в него много лесных, стреловидных, как будто отточенных, трав,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горит ли в ней серебро, ярко ли золото.
Все как и нужно кругом.
Мысли такие же в сердце, сверкают, цветятся огнем.
Сердце колдует.
Что это? Что это там за окном?
Дрогнула молния в Небе! Темнеет оно. Негодует?
Или довольно, что в этом вот сердце пожар?
Ветер прерывисто дует.

Гром.
Гулко гремит за ударом удар.
Длится размах грозового раската.
Светится золотом малая хата.
И, опоясан огнем,
В брызгах, в изломах червленого злата,
В рокотах струн,
Сея алмазы продольным дождем,
В радостях бури, в восторге возврата,
Мчится – Перун.

Из книги
«ЖАР-ПТИЦА»
МОСКВА
1907

ЗАГОВОР НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ

Я по острову хожу,
Через все леса гляжу,
По прогалинам и мракам,
По оврагам, буеракам,
Дуб, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмель,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всем гляжу ветвям,
По листьям, и по цветам,
Я зову мою дуброву, –
Быть бы живу мне, здорову:
Подступясь к ней зверь и гад,
Чтоб сейчас же шли назад,
Чтоб не шли к нам люди злые,
Ведьмы, вихри, водяные,
Чтоб в дуброве, под листвой,
Сам себе я был большой,
Чтобы листья мне, в шуршаньи,
Были в тихом послушаньи,
Чтобы легкий ветер к нам
Шел, танцуя, по верхам.

ЗАГОВОР НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ

Там на море Океане,
Там на острове Буяне,
Светит камень Алатырь,
А кругом и даль и ширь.
На огне там есть доска,
На доске лежит тоска,
Не одна тоска, смотри,
Не одна, а тридцать три.
И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски,
Вдоль дороги, вдоль реки.
Через все пути-дороги,
Через горы крутороги,
Перепутьем и путем,
Мчатся ночью, мчатся днем.
Дева смотрит вдоль реки,
Вы мечитесь к ней, тоски,
К деве киньтесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски,
Киньтесь в очи, бросьтесь в лик,
Чтобы мир в глазах поник,
И в сахарные уста,
Чтоб страдала красота.
Чтобы молодец был ей
Света белого милей,
Чтобы Солнце ослепил,
Чтобы Месяцем ей был.
Так, не помня ничего,
Чтоб плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Были в пляске позвонки.
Чтоб кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нежна.

ЖЕРНОВА

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Литовская песня

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрешайтесь
В певучие слова.
В душе есть тоже зерна,

И долго и упорно
Таятся зерна те
В душевной темноте.

Но мрак души не вечен,
Восходят зеленыя.
О, милый, ты отмечен
Там в сердце у меня.
Вот стебли зеленеют,
Желтеют и полнеют.
Густеет их толпа,
И мирно ждет серпа.

Красиво жнется нива,
Красив склоненный жнец.
О, все в тебе красиво,
И мой ты наконец.
Лежат снопы рядами,
Блестят они пред нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Уж мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Без друга, молодая,
На мельнице была я,
Вдвоем зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

ТРАВА-КОСТЕР

Есть трава – растет
Возле тихих рек.
И не каждый год
Та трава цветет,
А когда придет
Человек.

Рост ее – стрела,
И красив узор.
Та трава была
Много раз светла,
Снова расцвела,
Как костер.

И горит огонь
Возле тихих рек.

Мчится красный конь,
Ржет, поет: Не тронь,
Не хватай огонь,
Человек.

С ржаньем конь скакал,
Убежал в простор.
Ярко промелькал.
Был расцветно ал,
Возле рек сверкал
Цвет-костер.

И светла была
Влага тихих рек.
В мире весть прошла,
Что трава цвела: –
Был здесь, в мире зла,
Человек.

ГЛУБИННАЯ КНИГА

Восходила от Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, как жизнь людская – длинная,
Выпадала вместе с громом Книга Праотцов могучая,
Книга-Исповедь Глубинная,
Тучей брошенная к нам,
Растянулась, распростерлась по равнинам, по горам.
Долины та Книга будет – описать ее нельзя,
Поперечина померяй, истомит тебя стезя,
Буквы, строки – чащи леса, расцветенные кусты,
Эта Книга – из глубинной беспричинной высоты.
К этой Книге ко божественной,
В день великий, в час торжественный,
Сходились сорок мудрых и царей,
Сорок мудрых, и несчетность разномыслящих людей.
Царь Всеслав до этой Книги доступнается,
С ним ведун-певец подходит Светловзор,
Перед ними эта книга разгибается,
И глубинное писанье расцветается,
Но не полно означается узор.
Велика та Книга – взять так не поднять ее,
А хотя бы и поднять – так не сдержать ее,
А ходить по ней – не выходить картинную,
А читать ее – прочесть ли тьму глубинную.
Но ведун подходит к Книге, Светловзор,
И подходит царь Всеслав, всепобедительный,
Дух у них, как и у всех, в телесный скрыт цветной убор,
Но другим всем не в пример горит в них свет нездешний, длительный.
Царь Славянский вопрошает, отвечает Светловзор.

«Отчего у нас зачался белый вольный свет,
Но доселе, в долги годы, в людях света нет?
Отчего у нас горит Солнце красное?
Месяц светел серебрит Небо ясное?
Отчего сияют ночью звезды дружные,
А при звездах все ж глубоки ночи темные?
Зори утренни, вечерние – жемчужные?
Дробен дождик, ветры буйные – бездомные?
Отчего у нас ум-разум, помышления?
Мир-народ, как Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть кружение?
Наши кости, наше тело, кровь-руда?»

И ведун со взором светлым тяжело дышал,
Перед Книгою Глубинной он ответ царю держал.

«Белый свет у нас зачался от хотенья Божества,
От великого всемирного Воления.
Люди ж темны оттого, что воля света в них мертва,
Не хотят в душе расслышать вечность пения.
Солнце красное – от Божьего пресветлого лица,
Месяц светел – от Божественной серебряной мечты,
Звезды частые – от риз его, что блещут без конца,
Ночи темные – от Божьих дум, от Божьей темноты.
Зори утренни, вечерние – от Божьих жгучих глаз,
Дробен дождик – от великих, от повторных слез его,
Буйны ветры оттого, что есть у Бога вещей час,
Неизбежный час великого скитанья для него.
Разум наш и помышленья – от высоких облаков,
Мир-народ – от тени Бога, светотень живет всегда,
Нет конца и нет начала – оттого наш круг веков,
Камень, Море – наши кости, наше тело, кровь-руда».

И Всеслав, желаньем властвовать и знать всегда томим,
Светловзора вопрошал еще, была беседа длинная.
Книгу Бездны, в чьи листы мы каждый день и час глядим,
Он сполна хотел прочесть, забыл, что Бездна – внепричинная,
И на вечность, на одну из многих вечностей, пред ним
Заперлась, хотя и светит, Книга-Исповедь Глубинная.

ПЕРУН

У Перуна рост могучий,
Лик приятный, ус золотой,
Он владеет влажной тучей,
Словно девай молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочет – так сейчас,

Сыплет искры, мечет искры
Из зрачков сверкнувших глаз.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнув своего,
Что любил он – рвет на части,
Тучу сжег – и нет его.

ЯРИЛО

В венке из весенних цветов,
Цветов полевых,
Овеян вещаньями прошлых веков,
В одеждах волнистых, красиво-живых,
На белом коне,
Тропою своей,
Я еду, Ярило, среди Белорусских полей,
И звездные росы сияют на мне,
Погаснут, и снова зажгутся светлей,
Под рокот громов,
В венке из весенних цветов,
Цветов полевых.

По селам, за мной, хороводами, девы,
«Ярило», поют, «озари нам напевы»,
Яриле слагают свой стих,
Играют мне песни, на игрищах пляшут,
Сердца расцветают в миг пляски мирской,
Там где-то работают, где-то там пашут,
А игрища – в уровень с белой сохой.
Горсть желтых колосьев, колосья ржаные,
Я левой рукою держу,
И маки горят, васильки голубые
Роняю я в рожь, расцветая между.
По селам, в их избах, и тесных, и узких,
В полях беспредельных, по имени – Русских,
Являюсь я взору, и грезе во сне.
Я между живых – как дающий забвенье.
Для них – я виденье
На белом коне,
Миг страсти, бог счастья, бог отдыхов пленных,
И вновь пробуждений и игрищ живых.
В венке из весенних цветов, не надменных,
Но вечно желанных цветов полевых.

БОГИНЯ-ГРОМОВНИЦА

Девница волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала в гробу.
И ветры весенние плакали жалостно,
И с воплями, яростно,
Играли на флейтах, и дули в трубу.

Покойница юная – о, с косами русыми,
И с рдяными бусами
На шее своей –
Белела застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Девница волшебная, богиня Громовница,
Душа-полюбовница,
Ты крепко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Пред богом Ярилою,
Не вспрянешь со смехом, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молниями рдяными
Взмахнул над туманами,
О, слава мечу!
Какая ты светлая с этими маками,
Ты мчишься над мраками,
Ворчат твои громы, рычат они. Чу!

РУЕВИТ

У Руевита семь мечей
Висит, в запас, в ножнах.
У Руевита семь мечей,
Восьмой в его руках.

У Руевита семь есть лиц,
Что зримы над землей.
А для богов, певцов, и птиц
Еще есть лик восьмой.

У Руевита семь есть дней,
Чтоб праздновать расцвет.
А день восьмой есть день огней,
Есть день резни и бед.

У Руевита семь ночей
Для игрищ и любви.
У Руевита семь мечей,

Чтоб их омыть в крови.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТ

Царь Огненный Щит, на коне восьминогом,
Над миром поставленный богом Белбогом,
С Востока на Запад проходит свой путь.
И конь его – белый, и конь его – смелый,
Едва только, в знойностях, мир онемелый
Коня заметил – и может вздохнуть.

Царь Огненный Щит выпивает все росы,
И сушит дороги, и жжет он откосы,
И влага восходит к нему из морей.
Но конь его, с каждою каплею влаги,
Все больше в себе ощущает отваги,
Растет восьминогой громадой своей.

Растет, подвигаясь по Небу с Востока,
Мгновеньями вспыхнет огромное око,
И огненный бросит над миром излом.
Растет, надвигаясь, и странно темнеет,
Меняется в цвете, густеет, чернеет,
И чу, под копытами рушился гром.

Царь Огненный Щит, вознесясь до зенита,
Замедлил, подумал, и глянул сердито,
Он поднял коня на дыбы, и глядит.
Вот дернул за повод, и грянули громы,
Для жаждущих – вниз сорвались водоемы,
И вдвое светлее Царь Огненный Щит.

ВЕЛЕС

Волос, Велес, бог пышных стад,
Бог изумрудностей в Апреле,
Прими – не грозовой раскат,
Текучесть льющихся рулад
Моей пастушеской свирели.

Бог мирных дней, Велес, Волос,
Уж в наших долах отшумели
Игранья первых громких гроз,
И стебли светлые овес
Поит росой под звук свирели.

Бог нежных трав, Волос, Велес,
Ты кроткий друг забав при деле,
Ты прашур мой, ты дух чудес.
Ты дед Баяна. Чу, как лес
Поет под звук моей свирели.

Бог сочных трав, Велес, Волос,
Твои луга не оскудели,
Звенит и светит сенокос.
Чу, сколько песен понеслось
В ответ на зов моей свирели.

Бог тучных нив, Волос, Велес,
В честь бога – жатвы подоспели.
И меж снопами, в честь Небес,
Куст ржи завитый не исчез.
Закрут воскрес, под звук свирели.

Чу, колокольчики звенят,
Нежней, чем гомон птиц в Апреле,
Стада идут с возами в ряд,
Волос, Велес, бог пышных стад,
Год спет. Домой, под зов свирели.

ЛЕС

1

Пробуждается с весной,
Переливную волну
Зеленеет на ветвях.
Отзовется гулким эхом,
Криком, гиканьем, и смехом
Для потехи будит страх.

Кружит, манит, и заводит,
В разных обликах проходит,
С каждым разное всегда.
Малой травкой – на опушке,
В старом боре – до верхушки,
Вона, вон где борода.

Лапти вывернул, и правый
Вместо левого, лукавый,
Усмехаясь, натянул.
То же сделал и с другою,
В лапоть скрытою, ногою,
И пошел по лесу гул.

То же сделал и с кафтаном,
И со смехом, словно пьяным,
Застегнул наоборот.
В разнополость нарядился,
В человеческий лик вместился,
Как мужик идет, поет.

Лишь спроси его дорогу.
Уж помолишься ты Богу.
Уж походишь по лесам.
Тот же путь сто раз измеришь,
Твердо в Лешего поверишь,
Будешь верить старикам.

2

Гулко в зеленом лесу откликается,
В чащах темнеет, покуда смеркается,
Смотрит в сплетенных кустах.
Прячется, кажется, смутным видением
Где-то там, с шепотом, с хохотом, с пением,
С шорохом быстрым возникнет в листьях.
Лапчатой елью от взора укроется,
Встанет, и в росте внезапно удвоится,
Вспрыгнет, и с треском обломится сук.
Вырос, с вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многих деревьях качается,
Тянется тысячью рук.
Вот отовсюду качанья и ропоты,
Тени, мигания, шорохи, шепоты,
Кто-то, кто долго был мертвым, воскрес.
Что-то, что было в беззвучном, в неясности,
Стало грозящим в своей многогласности, –
Лес!

3

Смотрит из тихих озер,
Манит в безгласную глубь,
Ветви сплетает в узор.
– Лес, приголубь!

Тянет войти в изумруд,
С пыльного манит пути,
В глушь, где деревья цветут.
– Лес, защити!

Шепчет несчетной листвою,
Морем зеленых пустынь.
– Лес, я такой же лесной,

Лес, не покинь!

СОВА

Сова, кто смотрел в твое круглое желтое око.
Тот знает великую тайну чудес.
Не царила ли ты в Небесах? В их провалах немых, там, высоко,
В бездонностях синих доныне твой знак не исчез.
Кто в полночь читал под ущербной Луною
Пожелтевшую летопись дней,
Тот меня понимает без слов, и сейчас он со мною,
Над одной мы строкою,
В песне моей,
В струне мы одной, что во славу Вселенной бряцает.

О, мудрая птица, чей взор темноту пронизает,
В ночи, где дневные не видят ни зги,
Ты сидела на страшной избушке Яги,
Ты глядела в глаза благородной Афины,
Ты была за плечами у всех колдунов,
Ты крылом прорезаешь ночные долины,
Навевая виденья вещательных снов
На ведовские стебли полночных цветов,
От которых приняв дуновение, мрак
Нашим снам сообщает твой знак, –
Я знаю, когда-нибудь в безднах, далеко,
Погаснет Светило кружащихся дней,
Но в новых ночах первозданных, в смешении тьмы и огней,
Пред творчеством новым зажжется, сквозь Хаос, безмерное желтое око.

Из книги
«ПТИЦЫ В ВОЗДУХЕ»
С.-ПЕТЕРБУРГ
1908

СТИХ ВЕНЧАЛЬНЫЙ

Я с Мечтою обручился и венчальный стих пою,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

Сладко грезе светлой спится далеко от тьмы земной,
Там, где звездный куст огнится многоцветной пеленой.

Куст восходит, возрастает, обнимает все миры,
Драгоценности рождает нескончаемой игры.

Жар-цветы и цвет-узоры смотрят вниз с ветвей куста,
Светом помыслы одеты, в звездных ризах Красота.

Бриллиантовой пылью осыпается жар-цвет,
Манит душу к изобилию сказка огненных примет.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющ, змеись по Бытию,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

ХВАЛИТЕ

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжные нити,
Крути златоцветность – и вновь,
От сердца до сердца, до Моря, до Солнца, от Солнца до мглы отдаленнейших звезд,
Сплетенья влияний, воздушные струны, протяжность хоралов, ритмический мост.
Из точки – планеты, из искры – пожары,
Цветы и расцветы, ответные чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встречаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свечась, расцветаясь, поющая кровь
Всемирно проводит путистые нити,
Хвалите же Вечность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ХМЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Летом, в месяце июле,
В дни, когда пьянеет Солнце,
Много странных есть вещей
В хмеле солнечных лучей.
Стонет лес в громовом гуле,
Молний блеск – огонь червонца.
Все кругом меняет вид,
Самый воздух ум пьянит.

Воздух видно. Дымка. Парит.
Воздух словно весь расплавлен.
В чашу леса поскорей,
Вглубь, с желанною твоей.
В мозге нежный звон ударит,

Сердце тут, а ум оставлен.
Тело к телу тесно льнет.
Праздник тела. Счастье. Вот.

Ночь приходит. Всем известно,
Ночь Иванова колдует.
Звездный папоротник рви.
Миг поет в твоей крови.
Пляшет пламя повсеместно.
Мглу огонь светло целует.
Где костры сильнее горят,
Ройся глубже, вспыхнет клад.

ДОЛИНЫ СНА

Пойду в долины сна,
Там вкось растут цветы.
Там падает Луна
С бездонной высоты.

Вкось падает она,
И все не упадет.
В глухих долинах сна
Густой дурман цветет.

И странная струна
Играет без смычков.
Мой ум – в долинах сна,
Средь волн без берегов.

С ВЫСОКОЙ БАШНИ

С высокой башни
На мир гляжу я.
С железной башни
За ним слежу я.
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Кругом бушуя.

Что миг текущий,
Что день вчерашний,
Что вихрь бегущий,
Как зверь, над пашней.
Бегущий мимо,

Неуловимо,
Как гроздь дима,
Вкруг стройной башни.

На мир всегдашний
Светло гляжу я.
С высокой башни
За ним слежу я.
И злится Ветер,
Кружится Ветер,
И мчится Ветер,
Кругом бушуя.

ЗВУК ИЗ ТАИНСТВ

Цветок есть расцветшее пламя, Человек – говорящий огонь,
Движение мысли есть радость всемирных и вечных погонь.
И взглянем ли мы на созвездья, расслышим ли говоры струй,
Мы знаем, не знать мы не можем, что это один поцелуй.
И струн ли рукой мы коснемся, чтоб сделать певучим наш пир,
Мы песней своей отзовемся на песню, чье имя есть Мир.
И кто бы ты ни был, напрасно – цветка ль, Человека ль – не тронь: –
Цветок есть расцветшее пламя, Человек – говорящий огонь.

ОБЛАЧНАЯ ЛЕСТНИЦА

Если хочешь в край войти вечно золотой,
Облачную лестницу нужно сплести мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

А и спать не нужно нам, лишь возьми росу.
Окропи вечернюю света полосу,
И, скрепивши облачко месячным лучом,
В путь иди, не думая больше ни о чем.

ЗАКЛИНАНИЕ ВОДЫ И ОГНЯ

Я свет зажгу, я свет зажгу,
На этом берегу.
Иди тихонько.
Следи, на камне есть вода,
Иди со мной, с огнем, туда,

На белом камне есть вода.
Иди тихонько.

Рука с рукой, рука с рукой,
Здесь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тот кто-то, может, слышит нас.
Следи, чтоб свет наш не погас,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свет несем, мы свет несем.
Рабы нам Ночь со Днем.
Иди тихонько.
Следи, рука с рукой тверда,
На белом камне есть вода,
Свети, идем с огнем туда.
Иди тихонько.

ТРИ КОНЯ

На трех конях Властитель Солнца
Свершает выезд в Иванов день.
И конь один красней червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третий конь весь белый, белый,
Как будто вылит из серебра.
Властитель Солнца, светлый, смелый,
Свершает выезд. – «В путь. Пора».

Но чуть доедет до зенита,
Конь златокрасный горит – и пал.
Властитель Дня хлеснет сердито
Тех двух – и дальше поскакал.

И конь-игрень он тоже красный,
Но с белой гривой, о, с белой он.
Он мчит, бежит, играет, страстный,
И пал, и пал на небосклон.

У Бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь белый остался конь.
На склонах яркого заката
Горит пурпуровый огонь.

И виден в тучах белоснежных
Конь смертно-бледный из серебра.
Властитель Солнца, в снах безбрежных,

Свершает путь. – «Домой. Пора».

УСНИ

Дымящихся светильников предсмертные огни,
Дрожащие, скользкие, последние. Усни.

Мерцающие лилии, пришедший к цели путь,
Пройденности, бездонности грозившие. Забуди.

Развязана запутанность, окончен счет с людьми,
Предсказанность безмолвия идет к тебе. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезл свечи,
В безгласности горения сожги слова. Молчи.

Возвышенные лилии расцветом смотрят вниз,
И ждут в благоговейности последнего. Молись.

Ни шепота, ни ропота, в зеркальном прошлом дни,
Подходит Ночь бесслезная, вся звездная. Взгляни.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА

Кто мы? А! Зарю спроси, спроси лес...
Майские Письмена.

В Паленке, меж руин, где Майская царица
Велела изваять бессмертные слова,
Я грезил в яркий зной, и мне приснилась птица
Тех дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, с хвостом нарядно-длинным,
Как грезы – крылышки, ее зовут Кетцаль.
Она живет как сон, в горах, в лесу пустынном,
Чуть взглянешь на нее – в душе поет печаль.

Красива птица та, в ней вешний цвет наряда,
В ней тонко-нежно все, в ней сказочен весь вид.
Но как колодец – грусть ее немого взгляда,
И чуть ей скажешь что – сейчас же улетит.

Я грезил. Сколько лет, веков, тысячелетий,
Сказать бы я не мог – и для чего считать?
Мне мнилось, меж могил, резвясь, играют дети,
И изумруд Кетцаль не устает блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Из края в край Земли, волной росла трава.
Вдруг дрогнул изумруд, и на стенном узоре
Прочел я скрытые в ваянии слова: –

«О, ты грядущих дней! Коль ум твой разумеет,
Ты спросишь: Кто мы? – Кто? Спроси зарю, поля,
Волну, раскаты бурь, и шум ветров, что веет,
Леса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы – Земля!»

ЗОЛОТО-МОРЕ

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Которое молча горит,
Есть Золото-Древо,
Оно одиноко
В безбрежном гореньи стоит.

На Золоте-Древе
Есть Золото-Птица,
Но когти железны у ней.
И рвет она в клочья
Того, кто ей нелюб,
Меж красных и желтых огней.

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Бел Камень, белея, стоит.
На Камне, на белом,
Сидит Красна Дева,
А Море безбрежно горит.

На Золоте-Море,
Под Камнем, под белым,
Подъяты железны врата.
Сидит Красна Дева,
Под нею – глубины,
Под камнем ее – темнота.

И Золото-Море
Сверкает безбрежно,
Но в глубь опускается труп.
То Красная Дева
В бездонности топит
Того, кто ей вправду был люб.

ПЕРЕБРОШЕННЫЕ ЗВЕНЬЯ

Что держит Землю? Что? – Вода.
– Что держит Воду? – Камень грозный.
– Что держит Камень, дни, года,
Что держит Мир окружно-звездный?
– Четыре мощные Кита.
– На чем они, Киты златые?
– Их вечно держит Красота,
Огня теченья молодые.
– А что же держит тот Огонь?
– Другой Огонь, его две части.
– А дальше? – Более не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ГРЕБЕЦ

На главе его смарагдовый венец.
Песнь потаенная

Мне привиделся корабль, на корабле сидел гребец.
На главе его златистой был смарагдовый венец.
И в руках своих он белых не держал совсем весла,
Но волна в волну втекала, и волна его несла.
А в руках гребца, так видел я, лазоревый был цвет,
Этот цвет произрастеньем был не наших зим и лет.
Он с руки своей на руку перекидывал его,
Переманивал он души в круг влиянья своего.
В круг сияния смарагда и лазоревых цветов,
Изменявших нежной чарой синеву без берегов.
С снеговыми парусами тот корабль по Морю плыл,
И как будто с каждым мигом в Солнце больше было сил.
Будто Солнцу было любо разгораться без конца,
Было любо синю Морю уносить в простор гребца.

Из книги
«ЗЕЛЕНый ВЕРТОГРАД»
С.-ПЕТЕРБУРГ
1909

КОРМЩИК

- Кто ты? – Кормщик корабля.
- Где корабль твой? – Вся Земля.
- Верный руль твой? – В сердце, здесь.
- Сине Море? – Разум весь.
- Весь? Добро и рядом Зло?
- Сильно каждое весло.
- Пристань? – Сон. – Маяк? – Мечта.
- Достиженье? – Полнота.
- Полноводье, а затем?
- Ширь пустынь – услада всем.
- Сладость, сон, а наяву?
- В безоглядности – плыву.

БОЖИЙ ХРАМ

Наше тело – Божий храм,
В храме дай гореть свечам.
Любишь Бога, так смотри,
Храм достойно убери.

Чтобы ладан нежный в нем
Был с молитвенным огнем,
Чтобы тихий звон кадил
Прямо в сердце заходил.

Чтобы к храму льнул другой,
Тоже Божий – и такой,
Как бывает вешний сад,
В час как все цветы горят.

УЛЕТИ

Из острогов, из затворов,
От косых холодных взоров,
От напрасных разговоров, –
Улети.

Птицей вольной, птицей белой,
Из темницы застарелой,
Унесись на подвиг смелый, –
Есть пути.

В миг один свершится диво,
И свободно и красиво
Засияет луг и нива, –

Захоти.

Пленным – крючья, пленным – пилля,
Но мечтой умножь усилья,
Вот растут, белеют крылья, –
Что ж, лети.

Камень тяжкий отвалился,
Душный свод тюрьмы раскрылся,
Прахом твой порог затмился, –
Отмети.

Будь же с нами, с голубями,
В голубом воздушном храме,
Мы помчимся облаками, –
Улети.

ДЛЯ СЕСТРЫ

Для сестры моей, любви, есть лазоревы цветы,
Есть лазоревы цветочки самой свежей красоты.

Самой свежей, самой нежной, из-под первой той росы,
Для сестры моей, любви, и другие есть красы.

На холме, холме зеленом есть высокий теремок,
Под оконцем воркованье, стонет белый голубок.

Голубь нежный, белоснежный, он проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещет – он со стаею живой.

Проворкует, нас, мол, много, это правда, а не ложь,
За одним другой и третий, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькают, затрепещут, крылья блещут и горят,
Для сестры моей, любви, в Небе выпросят наряд.

В самом Небе, в синем Небе, у высоких облаков,
Уж помолят, уж попросят бирюзы и жемчугов.

Уж помолят, уж попросят изумрудов, жемчугов,
И атласа отливного, и тончайших шелков.

Небеса ли им откажут, в Небе много там всего,
Для сестры моей, любви, и для счастья моего.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болит, а уму не говорит?
Я люблю. Я люблю.
Отчего огонь в крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.
Отчего на Небесах звезды ясные в венцах?
Я люблю. Я люблю.
Отчего из темноты дышат пьяные цветы?
Я люблю. Я люблю.
Отчего в журчаньи струй так и бьется поцелуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего к цветку цветок посылает лепесток?
Я люблю. Я люблю.
Отчего в твоих глазах и желание и страх?
Я люблю. Я люблю.
Отчего ж ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

РАДУЙСЯ

Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река течет,
Радуйся – в Сладим-Реке, в Сладим-Реке есть мед,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке прильнем,
Радуйся – с Сладим-Рекой мы в Рай, мы в Рай войдем,
Радуйся – Сладим-Река поит и кормит всех,
Радуйся – Сладим-Река смывает всякий грех,
Радуйся – в Сладим-Реке вещанье для души,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке спеши,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть Рай,
Радуйся – в Сладим-Реке, Сладим-Реку вбирай,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть мед,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река зовет.

РАСКРЫТЫЕ УЛЬЯ

Все окна в нашем тереме огнем озарены,
Цветы на каждом дереве с лучом обручены,
Отметили все двери мы, поставив тайный знак,
Теперь, что будет в тереме – да будет это так.
Из кладезя глубокого вода принесена,
В той горнице, где горлицы, святая тишина,
Где голуби – как проруби, там чудится жерло,
И страшно так, и сладко так – что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будет наяву,
Дремотное – развязано, и дождь сечет траву.

Листы к листьям, уста к устам, и тело к телу льнет,
И луч из вод туман зовет, как тучу, в Небосвод.
А там готова молния, и льются, за огнем,
Из облак ведра полные в надземный водоем.
Журчит в высоком тереме вспененный водомет.
Ужели в самом деле мы не вку́сим сладкий мед?
Раз в ульях есть обилие, мы их освободим.
Раскрой, душа, воскрылия! Теки, Река-Сладим!

ПОГОНЯ

Чей это топот? – Чей это шепот? – Чей это светится глаз?
Кто это в круге – в бешеной вьюге – пляшет и путает нас?
Чьи это крылья – в дрожи бессилья – бьются и снова летят?
Чьи это хоры? – Чьи это взоры? – Чей это блещущий взгляд?
Чье это слово – вечно и ново – в сердце поет как гроза?
Чьи неотступно – может, преступно – смотрят и смотрят глаза?
Кто изменился – кто это свился – в полный змеиности жгут?
Чьи это кони – белые кони – в дикой погоне – бегут?

РАДЕНИЕ

Дети Солнца, в час полночный,
Собрались в игре урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждем в душе живой воды.

Жернов крутится упорный,
Белый праздник ночью черной,
Быстро, посолонь стремленье,
Звезды, в жажде обновленья,
Прорезают так туман,
В круге, знаменье раденья,
Со святой водою чан.

Ног босых все глуше топот,
Уст сухих не слышен ропот,
За одной живой стеною
Две и три идут волною,
Близ рубахи – сарафан,

И напевной тишиною
Зачарован водный чан.

В глубине явился Кто-то,
В лике светлая дремота,
Пробуждается в купели,
Мы недаром здесь радели,
И пропели заговор,
В вихре слышен зов свирели,
В чане темном яркий взор.

Хоровод наш содрогнулся,
С неземным соприкоснулся,
Мы истомным взяты раем,
В пляске мы изнемогаем,
Мы бледней, чем полотно,
Дух сошел, мы знаем, знаем,
Это было суждено.

В ТАЙНОЙ ГОРНИЦЕ

В тайной горнице, где взяты души вольных в нежный плен,
Свечи длинные сияют ровным пламенем вдоль стен,

Взор ко взору устремлялся, сердце в сердце, разум в ум,
От певучих дум рождался, в пляске тел, размерный шум.

Вскрики, дикие как буря, как в пустыне крик орла,
Душу выявили в звуках, и опять душа светла.

В белом вихре взмахи чувства сладкий ведали предел,
И венчальные наряды были саванами тел.

В этой пляске исступленной каждый думал – про себя,
Но, другими окруженный, вился – сразу всех любя.

В этом множественном лике, повторив стократ изгиб,
Души плыли, как весною – стройный шабаш светлых рыб.

Так повторно, так узорно, с хороводом хоровод,
Извиваясь, любит слитно, и, безумствуя, плывет.

И, проплыв, осуществили весь молитвенный напев,
И в сердцах мужских блаженство, как блаженство в сердце дев.

И в телах мужских дрожанье, многострунность в теле жен,
Это было, жизнь светила, воплотился яркий сон.

И в телах сияют души, каждый дышит, светел взгляд,

В тайной горнице полночной свечи жаркие горят.

ХОРОВОД

По-над прудом – прудом сад, вешний сад.
Белым кругом схвачен взгляд, все скользят.

По-за лесом темный лес, шепчет лес.
Здесь воскресла песнь чудесна. Он воскрес.

Под Луной – Луною луг, свежий луг.
Все – со мною, все – за мной, в быстрый круг.

По-над прудом – прудом темь, там темно,
Да по водам хороводы тешат дно.

Так уж гибки эти рыбки, все плывут.
Здесь проблещут, там сияют, тут зовут.

По-над садом – садом Ночь, ширь Небес.
Мир зовет к святым забавам. Он воскрес.

ПЛЯСКА ДВУХ

– Я из града Ветрограда,
Называюсь «Вей».

– Я из града Цветограда,
Я «Огонь очей».

– Я по граду Ветрограду
Здесь, и нет, вон там.

– Я по граду Цветограду
Пить даю цветам.

– Я во граде Ветрограде
Взвился, темнота.

– Я во граде Цветограде
Жду, цветок – уста.

– Я во граде Ветрограде
Водоем взломлю.

– Я во граде Цветограде
Пропою «Люблю».

– Я из града Ветрограда
Брызну вихрем струй.

– Я из града Цветограда
Позову «Целуй».

БОЖИИ ПЛОТНИКИ

Мы плотнички,
Мы работнички,
Все работаем мы тут,
Над Судьбою судим суд,
Мы ведь Божии,
Не прохожии.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходим в мире зря,
За работу – чуть заря,
До вечерних рос
Тешем белый тес.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Нам топор проворный люб,
Мы здесь строим белый сруб,
Топором стучим,
Да в свой дух глядим.

Мы глядим на Лес,
В Море день воскрес,
Послужили нам леса,
Вот натянем паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Коли плыть, так плыть,
Новый мир открыть,
Мы постукиваем тут,
Стружки словно цвет цветут,
Мы плотнички,
Мы работнички.

ЗВЕЗДОЗАКОННИКИ

Звездники, звездозаконники,
Божией воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цветопоклонники,
Здесь в Вертограде мы все
В невыразимой красе.

Бездники, стали мы звездники,

В Вечери мы сотрапезники,
Цветопоклонники,
Звездозаконники,
Хлеб и вино – в хоровом,
Во всеокружном поем.

ТРУБАЧИ

По горам, по горам.
Трубачи.
Чу! поют и кличут нам.
Солнце встало, шлет лучи.
По лугам и по лесам,
По широким небесам,
Словно рдяные мечи,
Словно вытянулись в бой,
По стремнине голубой,
Исполинские мечи.
Над отшедшей тьмой слепой,
С золотой своей трубой
Встали, кличут, трубачи,
Обещают гулко нам
Золотые дать ключи
К тем жемчужным воротам,
За которыми прильнем,
Над рубиновым путем,
Мы к невянущим цветам.
Так вещают трубачи,
По горам, по горам.

НЕТЛЕННОЕ

Мы найдем в нашем тереме светлый покой,
Где игрою столетий украшены стены,
Где лишь сказкою, песнею стали измены,
Чтоб за мигом был миг, за восторгом другой.

Я тебе загляну в бесконечную душу,
Ты заглянешь в мою, как взглянула б в окно,
Мы пойдем, что слияние нам суждено,
Как не может волна не домчатся на сушу.

Ты мне скажешь: «Мой милый! Наряд приготовь.»
На тебя я надену нетленное платье.
Я тебя заключу – заключаю в объятия,
Мы найдем – мы нашли – в нашем сердце – любовь.

ЗВЕЗДОЛИКИЙ

Лицо его было как Солнце – в тот час когда Солнце в зените,
Глаза его были как звезды – пред тем как сорваться с Небес,
И краски из радуг служили как ткани, узоры, и нити,
Для пышных его одеяний, в которых он снова воскрес.

Кругом него рдянились громы в обрывных разгневанных тучах,
И семь золотых семизвездий как свечи горели пред ним,
И гроздя пылающих молний цветами раскрылись на кручах,
«Храните ли Слово»? – он молвил, – мы крикнули с воплем: «Храним».

«Я первый», он рек, «и последний», – и гулко ответили громы,
«Час жатвы», сказал Звездоокий. «Серпы приготовьте. Аминь».
Мы верной толпою восстали, на Небе алели изломы,
И семь золотых семизвездий вели нас к пределам пустынь.

ОСАННА

- Что было у вас за пирами?
- Цветочные чаши, любовь.
- Что выше? – Все звезды над нами.
- Что в чашах? – Поющая кровь.
- Своя иль чужая? – Смешались.
- А песни? – Всегда об одном.
- В какой же стране вы остались?
- Осанну, Осанну поем.

Из книги
«ХОРОВОД ВРЕМЕН»
МОСКВА
1909

ДЛЯ ЧЕГО?

- Для чего нам Солнце засветилось сегодня?
- Для радости зренья лика Господня.
- Для чего же оно горело вчера?
- Для радости зренья лика Господня.

– А завтра зачем? – Чтоб воскликнуть: Пора!
Будем в радости зренья лика Господня.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Лунный камень, тихий пламень, тихий пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканый, золотой.
То скользящий, словно в чаше луч-фонарик светляка,
То грозящий, словно в чаше ждет колдун исподтишка.
То как тайна Океана, что, седой, бессмертно-юн,
То как ранний свет тумана, то как звоны дальних струн.
То как раковина Моря, что как будто бы горит,
А как будто не для глаза, а для слуха говорит.
То как змейный свет опала, то как сказка жемчугов,
Как церковный звук хорала в час спасенья от врагов.
То как верба в ночь ущерба, или в первый миг серпа,
Лунный камень, струнный пламень, от тебя в тайник тропа.

ЕГИПЕТ

Заснула земля.
Фиал переполненный выпит.
Задремавшие Боги ушли в Небосвод,
Гребцы корабля,
На котором Египет
Сквозь Вечность скользит по зеркальности Нильских вод.

Ушли Фараоны.
Их нарядные мумии спят,
Пред глазами людей восхищенными.
Все пирные звоны
Сменились напевом цикад.
Лишь звезды блестят и блестят над песками, самумом взметенными.

И Сфинкс все глядит.
И Сфинкс все есть Сфинкс неразгаданный.
В зыби веков, что бегут и бегут вперевой.
И вокруг пирамид
Жизнь живет, вешний воздух весь ладанный,
Нил течет, и папируса нет, но лотос расцвел голубой.

ЛАНДЫШИ

Ландыши вы белоснежные,
Не соты ль вы лунных пчел?
В шестигранные келейки нежные
Заоблачный сон вошел.

Вы сладостно, радостно дышите,
Душистый лелея сон.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тот слышите звон.

Нет, не только. До самого звездного
Неба, где Полночь – бледна,
Где как будто бы в чарах морозного
Сияния светит Луна, –

Уходит напевами вольными
Колокольный ваш призрачный звон,
Над тенями берез тонкоствольными,
Призывая на свой амвон.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунных звоните вы сел,
И звонами тонко-хвалебными
Ответствуют сонмы пчел.

С Луною пчелы прощаются,
И вниз скользят по струне,
В ландыши внутрь помещаются,
И тихонько жужжат к Луне.

Вон видишь, в дома шестигранные,
В снежистость, в душистость вошли,
Золотистые, малые, странные,
Их не слышно в цветочной пыли.

Но не слышно лишь нам. Все ж в волнении,
Если ночью близ ландышей мы,
Словно в пеньи мы, в мленьи, в молении
Белозвонной мглы – полутьмы.

АУ

Твой нежный смех был сказкою изменчивою,
Он звал, как в сон зовет свирельный звон.
И вот венком, стихом тебя увенчиваю,
Уйдем, бежим, вдвоем, на горный склон.
Но где же ты? Лишь звон вершин позванивает.
Цветку цветок средь дня зажег свечу.
И чей-то смех все в глубь меня заманивает.

Пою, ищу, «Ау! ау!» кричу.

ИЗ ПОЭМЫ «ТРИНАДЦАТЬ ЛУН»

1. ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просветленная.
Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:
В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.

В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастье безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в Июне войдет в этот мир, каждый цвет, его сладостно мучая,
Будет сердцу внушать, что любить нужно их,
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцвеченная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь,
Он искать будет папорот-цвет,
На вопрос невозможный – желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь златоцветный ему,
Чтоб удвоить, за мигом сияния, тьму,
Чтоб в единственный час,
Где минута с минутой – как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет, излучившись, погас,
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

2. НОЯБРЬ

Божий кузнец,
Дороги и реки кует,
Зиме изо льда он готовит ларец,
Алмазы вбивает в холодный венец,
Рассыпавши снег, разукрасивши лед,
Звонко кует,
Белая кузница – мир,
Весь оковал,

В иней не раз и не два одевал
Поле и лес,
Кличет метели на пир,
Смотрит на яркие звезды Небес,
Словно и им он дороги мостит,
Звезды по снегу, и звезды вон там,
Думает, думает, вдруг засвистит,
Мчится, летит, по лесам, по кустам,
Снова – ковать, и гвоздит, и гвоздит,
Гроб, что ли, нам?
Саваном белым в ночах шелестит,
Искрится белая смерть по снегам.

ПО БЛЕДНОЙ ДОЛИНЕ

По бледной долине приходят, уходят, проходят несчетные духи,
Там юноши, взрослые, малые дети, и старцы идут, и старухи.

С Востока на Запад, с Заката к Востоку, и снова на Запад с Востока,
Приходят, уходят, и ходят, и бродят, не знают ни часа, ни срока.

Встречаясь, качают они головами, и шепчут о благодати Бога,
И все, проходя, проиграют цепями, и вечно, и вечно дорога.

И вдруг от Востока на Запад прольется разливное красное пламя,
Один усмехнется, другой ужаснется, но каждый почувствует знамя.

И вдруг от Заката к Востоку вернется и золото, и бархат, и алощадь,
И духи считают, колдуют, гадают, пока не сомнет их усталость.

Тогда, бесконечно взывая о мести, о чести, о славе, о чарах,
Несчетные духи, согбенно, проходят, как тени, в безмерных пожарах.

По бледной долине, в пустыне, как в сплине, доныне безумствуют духи.
И юноши седые, и дряхлые дети, и юны, меж старцев, старухи.

ВЕДОГОНЬ

У каждого есть ведогонь.
Когда ты заснешь, он встает,
В крылах его дышит полет,
Осмотрится, дунет, идет,
Окреп, улетает, не тронь.

Он волен, когда мы во сне.
И разный нам видится сон.

Вот птица, лазурь, небосклон,
Не мы это видим, а он,
И тонем мы с ним в вышине.

Вот ветер бежит по цветам.
Красивый с красивой, их два,
Бессмертная сказка жива.
Целует. И дышит трава.
Заснувшим так сладко устам.

Вот ссора, чудовищный вид.
С ножом ведогони, беда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснул навсегда.
Смотри. Ведогонь твой убит.

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

*Посвящаю эти строки матери моей
Вере Николаевне Лебедевой-Бальмонт
Чей предок был
Монгольский Князь
Белый Лебедь Золотой Орды.*

1

Конь к коню. Гремит копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
В лете коршуна не тронь.

Да и лебеда не трогай,
Белый Лебедь заклюет.
Гей, дорога! Их у Бога
Столько, столько – звездный счет.

2

Мы оттуда, и туда, все туда,
От снегов до летней пыли, от цветов до льда.

Мы там были, вот мы здесь, вечно здесь,
Степь как плугами мы взрыли, взяли округ весь.

Мы здесь были, что то там, что вон там?
Глянем в чары, нам пожары светят по ночам.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши – доли, наши – реки, села, города.

3

Для чего же и дан нам размах крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздух от свиста крыл
Был виденьем крылатых сил.

И закроем мы Месяц толпой своей,
Пролетим, он блеснет светлей.
И на миг мы у Солнца изменим вид,
Станет ярче небесный щит.

От звезды серебра до другой звезды –
Наш полет Золотой Орды.
И как будто за нами бежит бурун,
Гул серебряно-звонких струн.

От червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цветы всегда,
Золотая живет Орда.

4

Конь и птица – неразрывны,
Конь и птица – быстрый бег.
Как вдали костры призывны!
Поспешаем на ночлег.

У костров чернеют тени,
Приготовлена еда.
В быстром беге изменений
Мы найдем ее всегда.

Нагруженные обозы –
В ожидании немом.
Без вещательной угрозы,
Что нам нужно, мы возьмем.

Тени ночи в ночь и прянут,
А костры оставят нам.
Если ж биться с нами станут,
Смерть нещадная теням.

Дети Солнца, мы приходим,
Чтобы алый цвет расцвел,
Быстрый счет мы с миром сводим,

Вводим волю в произвол.

Там где были разделенья
Заблудившихся племен,
Входим мы как цельность пенья,
Как один прибойный звон.

Кто послал нас? Нам безвестно.
Тот, кто выслал саранчу,
И велел дома, где тесно,
Поджигать своим «Хочу».

Что ведет нас? Воля кары,
Изменение вещества.
Наряжаясь в пожары,
Ночь светла и ночь жива.

А потом? Потом недвижность
В должный час убитых тел,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршун пролетел.

Прилетел и сел на крыше,
Чтобы каркать для людей.
А свободнее, а выше –
Стая белых лебедей.

5

Ночь осенняя темна, уж так темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ее, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звездных есть лучей.

Вон, раскинулись узором круговым,
Звезды, звезды, многозвездный белый дым.

Упадают. В ночь осеннюю с Небес
Не один светильник радостный исчез.

Упадают. Почему, зачем, куда?
Вот, была звезда. И где она, звезда?

Воссияла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звездой.

А Дорога-Путь, Дорога душ горит.
Говорит душе. А что же говорит?

Или только вот, что есть Дорога птиц?

Мне уж мало убеганий без границ.

Мне уж мало взять костры, разбить обоз,
Мне уж скучно от росы повторных слез.

Мне уж хочется двух звездных близких глаз,
И покоя в лебедино-тихий час.

Где ж найду их? Где, желанная, она?
Ночь безлунная темна, уж как темна.

Где же? Где же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Светят звезды, не просветят в мире тьму.

Упадают. За чредою череда.
Вот, была звезда. А где она, звезда?

6

– Где же ты? Тебя мы ищем.
Завтра к новому летим.

– Быть без отдыха – быть нищим.
Что мне новый дым и дым!

– Гей, ты шутишь? Или – или –
Оковаться захотел?

– Лебедь белый хочет лилий,
Коршун хочет мертвых тел.

– А не ты ли красовался
В нашей стае лучше всех?

– В утре – день был, мрак качался.
Не смеюсь, коль замер смех.

– Гей, заханешь здесь в затоне.
Белый Лебедь, улетим!

– Лучше в собственном быть стане,
Чем грозой идти к другим.

– Гей, за степи! Бросим, кинем!
Белый Лебедь изменил. –

Скрылись стаи в утре синем.
В Небе синем – звон кадил.

– Полоняночка, не плачь.
Светоглазочка, засмейся.
Ну, засмейся, змейкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только б счастья.
Поле счастья – без межи.

О, светлянка, поцелуй!
Дай мне сказку поцелуя!
Лебедь хочет жить ликуя,
Белый с белой в брызгах струй.

Поплывем, – не утоплю.
Возлетим, – коснусь крылами.
Выше. К Солнцу! Солнце с нами!
– Лебедь... Белый... Мой... Люблю...

8

Опрокинулись реки, озера, затоны хрустальные,
В просветленность Небес, где несчетности Млечных путей.
Светят в ночи веселые, в мертвые ночи, в печальные,
Разновольность людей обращают в слиянность ночей.

И горят, и горят. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свечей в кругозданности храмов ночных.
Морем белых цветов. Стали стаями птиц, белокрылыми.
И, срываясь, поют, что внизу загорятся как стих.

Упадают с высот, словно мед, предугаданный пчелами.
Из невидимых сот за звездой упадет звезда.
В души к малым взойдут. Запоют, да пребудут веселыми.
И горят как цветы. И горит Золотая Орда.

*1908 Ночи Зимние.
Долина Берез*

Из книги
«ЗАРЕВО ЗОРЬ»
МОСКВА
1912

АГНИ

Красные кони, красные кони, красные кони – кони мои.
Ярки их гривы, выются извивы, пламенны взрывы, ржут в забытыи.

Ржут, что есть мочи, дрогнули ночи, конские очи – молнийный свет.
Спят водоемы, будут им громы, рухнут хоромы вышних примет.

Жаркие кони, яркие кони, жаркие кони – кони мои.
Топнут о камень – топнут – и пламень вырос и взвился проворней змеи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красных попон.
В Мире – вещанье, капель жужжанье, резвое ржанье, хохот и стон.

Белый – рождаясь, красный – взметаясь, весь расцветаясь в пропастях дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь меня?

ГИЕРОГЛИФЫ ЗВЕЗД

Я по ночам вникал в гиероглифы звезд,
В те свитки пламеней в высотах совершенных.
Но немы их слова. И дух, в томленьях пленных,
Не перекинет к ним, их достающий, мост.

Их повесть явственна и четко различима,
Но дух в них не найдет возжажданный ответ.
На все мои мольбы они ответят: «Нет».
Промолвят: «Миг живи, как смесь огня и дыма.

Гори. Еще гори, покуда не сгоришь.
Когда же догорит лампада золотая,
Созвездье между звезд, внесешь ты, блистая,
Узнавши звездную, в провалах Ночи, тишь.

Но, если ты душой ненасытимо жгучей
Возжаждал то продлить, что длиться миг должно,
Ты камнем рушишься на мировое дно,
Созвездием не став, сгоришь звездой падучей».

ОСТРИЕ

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Острие.

И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, целуя,
Или сердце мое.

Вот порвется. Так бьется, так бьется.
А она, наклоняясь, смеется.
Говорит:
Что с тобой? Ты бежал очень скоро?
Ты боишься – за что-то – укора?
Тут – немножко – болит?

Я знаю разъятую рану.
Прикоснись же. Мешать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только верь мне, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ТОСКА СТЕПЕЙ

(Полонянка степей Половецких)

Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит,
Звон стеблей, ковыль, поет, поет, поет,
Серп времен горит, сквозь сон, горит, горит,
Слезный стон растет, растет, растет, растет.

Даль степей, не миг, не час, не день, не год,
Ширь степей, но нет, но нет, но нет путей,
Тьма ночей, немой, немой тот звездный свод,
Ровность дней, в них зов, но чей, но чей, но чей?

Мать, отец, где все, где все – семьи моей?
Сон весны – блеснул, но спит, но спит, но спит,
Даль зовет, за ней, зовет, за ней, за ней,
Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит.

ЗВЕЗДА ВЕЧЕРНЯЯ

1

Она была мечтой одета,
Светилась в новолунных снах,
И в мерной зыби менуэта
Плыла как лебедь на волнах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, в выси надгорной,
Звезда Вечерняя плыла.

2

Она была из Вальтер-Скота,
Она была и в этих днях.
И в зыби мерного гавота
Плыла как лебедь на волнах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, в выси надгорной,
Звезда Вечерняя плыла.

3

Она была из сказок света,
Из сказок сумрака в лучах.
И как зима вступает в лето,
Вступила в вальс, кружилась в снах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, за мир надгорный,
Звезда Вечерняя зашла.

ПСАЛОМ НОЧНОЙ

Дом мечтаний начальных,
Сном окутан ночным.
Псалом надежд погребальных
Поем мы, и всходит дым.

Гумна убиты цепами,
Шумный окончился день.
Бесшумная ночь над полями.
Сумрак, дух мой одень.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯ

Я вижу свет моей зари последней.

Она вдали широко разлилась.
Безгласный звон. Мольбы цветной обедни.
Псалмы лучей. Предвозвещенный час.

И служба дня сменяется вечерней.
Встает Луна, и паутинит нить.
Чтобы душе, где пытки – равномерней,
Для всеобщей смиряющей светить.

НЕ В ЭТИ ДНИ

Не в эти дни вечеровые
Паденья капель дождевых, –
Не в эти дни полуживые,
Когда мы душу прячем в стих,
Чтоб озарить себя самих, –
О, нет, тогда, когда впервые,
Как капли жаркого дождя,
Струились звезды, нисходя
На доли Неба голубые, –
Тогда, как в первый раз, в ночи,
Средь звезд, как меж снежинок – льдина,
Жерло могучего Рубина,
Соткав кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло в вышний небосклон,
И Хаос древний был пронзен, –
Тогда, как рушащие громы,
Бросая миллионный след,
Качали новые хоромы,
Где длился ливнем самоцвет,
И свет был звук, и звук был свет, –
Тогда, Тебя, кого люблю я,
С кем Я мое – навек сплелось,
Взнести хотел бы на утес,
В струях разметанных волос,
Яря, качая, и волнуя,
Тебя, касаньем поцелуя,
Сгорая, сжег бы в блеске гроз.

ДВА ВЕНКА

То два венка, то два цветка, округлые венцы –
Две груди юные ее, их нежные концы.

На каждой груди молодой, тот кончик – цвет цветка,

Те два цветка, те два венка достойны жить века.

И так как бег столетий нам Искусством только дан,
И так как блеск столетий дан тому, кто чувством пьян, —

Тебя я замыкаю в стих, певучая моя,
Двух зорь касаясь молодых, их расцветчаю я.

И каждый кончик лепестка, мой поцелуй приняв,
Нежнее в цвете заревом, как свет расцветших трав.

И безупречный алебастр девических грудей
То две лампы светят мне на празднестве страстей.

Как кость слоновая – живот, и, торжество стиха,
Уводит грезу нежный грот, укрытый дымкой мха.

КАК НОЧЬ

Она пришла ко мне молчащая как Ночь,
Глядящая как Ночь фиалками-очами,
Где росы кроткие звездились лучами,
Она пришла ко мне такая же точь-в-точь,
Как тиховейная, как вкрадчивая Ночь.

Ее единый взгляд проник до глубины тайной,
Где в зеркале немом – мое другое я,
И я – как лик ее, она – как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью, и тайной.

ЗВЕЗДНАЯ ГРАМОТА

Я дам тебе звездную грамоту,
Дорогою сделаю радугу,
Над пропастью дней многогромною
Твой терем высоко взнесу.
И зори, со звездами дружные,
И зори рассветов жемчужные,
Протянут свою полосу.

Ты будешь во сне многосладостном,
Душистом как нежные ландыши,
Сквозистом как лес многолиственный,
Росистом как ласковый луг.
Ты будешь в слияньи и в пении,

Мы будем в бессмертном мгновении,
С лицом, обращенным на Юг.

ИЗ ВИХРЯ

В Бездне задуманный, в Небе зачатый,
Взявший для глаз своих Солнце с Луной,
Скрывший в себе грозовые раскаты,
Льдяные срывы и влагу и зной,
Знавший огней вековые набаты,
Праздник разлитья созвездий и рек,
Страстью ужаленный, Бездной зачатый,
Я – Человек.

КОНИ БУРЬ

Ржали громы по лазури,
Разоржались кони бурь,
И дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдея, разрывали
Крепость мраков, черный круг,
В радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дуг.

Завершив свой подвиг трудный,
Ливень струй освободив,
Мир растений изумрудный
Весь прикрыли мглою грив.

И промчались в небе взрытом,
Арку радуги дожгли,
И ушли, гремя копытом.
Чу, последний гром вдали.

Печатается по: Константин Бальмонт. Звенья. Избранные стихи. 1890-1912. – М.: Скорпион, 1913

